

Ирина Кузнецова

Пальцевый маг

Ирина Кузнецова

Опальный маг

«Десятая Муза»

2017

УДК 82
ББК 821.11

Кузнецова И. С.

Опальный маг / И. С. Кузнецова — «Десятая Муза», 2017

ISBN 978-5-6040066-0-3

Увлекательные путешествия вокруг света и события мирового масштаба начинаются с кражи обыкновенной входной двери. А тут ещё и Великую Фею её собственные советники пытаются отправить на пенсию, с чем она категорически не согласна. На другом конце континента просыпается потревоженный неосторожной мыслью маг с яростью дракона, который сладко спал тысячу лет.

УДК 82
ББК 821.11

ISBN 978-5-6040066-0-3

© Кузнецова И. С., 2017
© Десятая Муза, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Опальный маг

Ирина Сергеевна Кузнецова

Благодарности от автора:

Спасибо Галине Анатольевне Федькиной за отзывчивость и первую редакторскую правку.

Спасибо Елене Федорович из Калуги и Юле Кузнецовой за полезные советы.

Елене Федорович из Новосибирска, Анастасии Граф, Марине Тющаневой и моим родителям за их дружескую поддержку всех моих творческих начинаний.

Валентине Николаевне Панковой за доброту и отзывчивость.

Глава 1

События мировых масштабов и глобальных потрясений... начинаются с кражи обыкновенной двери

1

„Ни фи́га себе, – думал гоблин Проныра, вылезая из своей хибары и сладко потягиваясь. – Ё-моё, ну и жульё, дверь спёрли. Офигеть, до чего обнаглели. Интересно, кто? Ща пойду и покажу всем проходимцам почём бесплатный сыр в мышеловке“.

От такого резкого напряжения мозгов у него аж затылок заломило. Гоблин зевнул и решил, что неплохо было бы сначала хорошенечко пожрать.

– Да, сначала жратва, а потом дело, – произнёс он вслух, щурясь на солнышко, – никуда эта грёбанная дверь не денется, такой обшарпанной и изъеденной червями ни у кого, кроме него, всё равно нет.

Он сразу повеселел. С наслаждением вдохнул свежего воздуха, пару раз присел, крикнул и потянулся. Почесал за ухом, оглядывая поляну, залитую ярким солнечным светом и наполненную благоухающим ароматом цветов, разлитом в воздухе. Отогнал пару назойливых мошек, моментально зазвеневших над правым ухом, которые, похоже, спросонья перепутали его волосатое ухо с экзотическим цветком. Потянул носом и отправился в харчевню „Обжиралово“ гоблина Громилы, прозванного так за огромный рост, пудовые кулаки и вспыльчивый характер, но обладавшего поразительными кулинарными способностями. Громила умел приготовить такую вкуснятину, например, из самой обычной морковки, кабачков и пары тощих ворон, что не только пальчики оближешь, но и тарелку вылижешь. В народе говорят, что сам Великий король троллей Филберт хотел сделать его своим королевским поваром. Но Громила отказался, так как настолько предан своему заведению, что и дня не мыслит без его существования, и не сможет ни в каком другом месте готовить точно так же. И сам король, проникнувшись благородством и высотой мысли Громилы, позволил ему остаться в харчевне и сказал, что отныне почтёт за честь, будучи здесь проездом, отобедать у него в харчевне. Хотя нет, брешут всё, наверно. Громила, конечно, здорово готовит, но всё равно никакой король в здравом уме, тем более Филберт, не станет разговаривать с ним, так он груб, и не воспитан, и никаких высоких мыслей у него и в помине нет. А Филберт славится умением очень красиво и велеречиво выражаться. Вот он, увидев какого-нибудь мерзкого и склизкого жука, деловито ползущего по своим букашичьим делам или упавшего ему на нос, говорят, никогда не скажет: „Уберите эту гадость. Б-р-р-р“. Но аккуратно его снимет, посадит обратно на дерево и скажет: „Какая милая букашечка, она упала с дерева, не боясь разбиться, чтобы поприветствовать меня. Какое благородство и сила духа сокрыты, казалось бы, в таком ничтожном насекомом. Мы должны, видя такие проявления великодушия даже в таких малых тварях, быть ещё выше и благороднее“.

„Да, вот это ум, – подумал Проныра, – из-за какой-то мерзкой букашки целая речь, исполненная глубокого смысла и ума. Хотя недруги Короля поговаривают, что он просто надутый глупый индюк, пытающийся витиеватыми речами скрыть своё скудоумие“.

Занятый такими размышлениями Проныра незаметно подошёл к харчевне.

Харчевня „Обжиралово“ представляла собой стандартную гоблинскую хавальню, располагающуюся в покрытой мхом довольно просторной хижине, на входе в которую красовалась довольно новенькая вывеска, повешенная ещё прадедом Громилы в годы бурной молодости

и скончавшемся лет двадцать назад от обжорства и обильных возлияний. На ней большими кривыми буквами было выведено:

Лучшая Гоблинская Харчевня
„ОБЖИРАЛОВО.“
Очень почтенное заведение
со жратвой и выпивкой по нашей цене!
Заваливайте все!

У входа валялись самокаты и велосипеды посетителей харчевни, а из окон неслась рок-металлическая музыка, похожая на скрип плохо смазанной двери. Наверное, этот долбаный ди-джей Заводила снова выменял у контрабандистов из параллельного мира новую играющую тарелочку, из тех, что он ласково именуется „мои ворчалки“, правда, похожи они больше почему-то на удар кочергой по голове с похмелья, такие же ощущения. Споткнувшись о чей-то самокат, Проныра негромко выругался и ввалился внутрь.

В „Обжиралове“, несмотря на утро, царил полумрак, из которого несло мощное чавканье, стук ложек, прерываемый временами мощным отрыгиванием.

– Привет, чуваки! – завопил Проныра, направляясь к стойке. – Громила, жрать давай! Я умираю с голода.

– А где „пожалуйста“, урод?! – рявкнул, оборачиваясь всем своим двухсоткилограммовым телом, хозяин харчевни. – А?!

Окинув здоровенную фигуру и угрожающую физиономию Громилы с падающей на лоб львиной гривой, Проныра решил, что „пожалуйста“ – это очень даже хорошее и нужное слово, волшебное. А он вежливый гоблин, и быстренько повторил всю предыдущую тираду со словом „пожалуйста“.

– Вот так-то лучше, – произнёс Громила, сверкнув красными глазами, но в глубине души он был очень доволен.

Между тем Проныра, не теряя времени, подхватил тарелку сладких пирожков и кувшин эля, поданных ему Громилой. Устроился за свободным столиком и принялся быстро поглощать пирожки, запивая элем из кувшина.

2

Трубадур сидел на берегу небольшого болотистого озера, вообще-то „озера“ – это громко сказано, так себе лужица пресной воды, притом не особо чистой, и перебирал струны своей гитары. Но, так как эта лужа принадлежала Великому королю троллей Филберту по прозвищу Рыжий, то и именовать её следовало соответственно по-благородному „озером“. Трубадур, он же Весёлый Пройдоха, был невысокого роста и довольно хилого телосложения. Длинные каштановые волосы, которые давно следовало постричь или хотя бы причесать, падали ему на плечи. Он курил трубку и задумчиво смотрел на восток.

На Востоке и в Центральной части материка было расположено Королевство Великой Феи, Повелительницы Гвилберда. Вечная Правительница Гвилберда, Страны Роз и Цветов, ну вечная это, конечно, преувеличено, но правила она Гвилбердом с незапамятных времён и никто уже не помнил, сколько ей лет, не одна сотня, а может тысячелетие. По-прежнему прекрасная и юная, ведь Феи практически не стареют, одна из самых мудрых и справедливых Бессмертных.

Весёлый Пройдоха призадумался, а не двинуть ли ему снова в Гвилберд, народ там приветливый, незлой. Распевая по харчевням и трактирам можно неплохо заработать. Когда он полгода назад заходил в Страну Роз и выступал при дворе Великой Феи, то его душевно приняли, и сама Фея пялилась на него во все глаза. И он, впад в раж, даже спел по приколу для

неё песню про Альгвард. М-да, это была не лучшая затея, Фея побелела от ужаса и чуть не хлопнулась в обморок. После этого пришлось уносить оттуда ноги от разгневанных слушателей, которые хотели устроить ему всякое членовредительство.

Или далее вглубь, на Юг, к троллям, хотя и у гоблинов неплохо, да куда угодно только не на Север, где расположена страна герцога Маргелиуса Альгвардского, которую раньше называли Страной Гор, а теперь Страной Мёртвых или Смерти, про чьи земли он неудачно спел ту песню. Холодное, мрачное место, где никто почти не живёт. А на самом Севере, в горах, полуразрушенной глыбой возвышается замок Маргелиуса, полоумного изверга и маньяка. Потому что никто в своём уме не счёл бы герцога нормальным.

– Тьфу, тьфу, – Пройдоха аж подскочил. – Вот мысли-то в голову лезут, нашёл кого вспомнить. А ведь знаю, что нельзя. Ведь этот мерзавец, говорят, может услышать, стоит только произнести его имя вслух. Хотя чего я испугался, Маргелиус давно под заклятием. Вечный Воитель вместе с другими Бессмертными давно победил его в битве при Альгварде. На пленённого герцога было наложено мощнейшее заклятие смертельного сна, а самого его заключили в гроб из гранитного камня и засунули в самый дальний и глубокий подвал его же замка, который затем крепко накрепко опечатали могущественным заклятием, чтоб не выбрался, значит. Хотя, по мне, до конца надо было мочить гада, и почему они не довели дело до конца? Ведь герцог был полностью в их власти. Но Вечный Воитель тоже хорош, славную шутку отмочил, засунуть Маргелиуса в его же подвал.

От таких рассуждений Веселый Пройдоха развеселился и принялся насвистывать, но внезапный порыв холодного ветра, обдав его, заставил зябко поежиться.

„Совсем трусливый стал, – мысленно выругался трубадур, подскочив на месте от неожиданности. – Значит, пора двигаться, а то и тени так своей шарахаться буду“. Он поднялся с земли, подобрал свою шляпу, котомку, аккуратно вытряхнул трубку и засунул её за пояс. Не торопясь, осмотрелся, отряхнул штаны, от прилипших к ним травинок, проверил кинжал на поясе. Затем поднял с земли гитару, верную спутницу всех его приключений. У нее даже имя было – Забава. Почему именно Забава? Возможно, потому что он часто распевал веселые песни и частушки по трактирам и площадям, которые заставляли весело хохотать народ. Просунул руку в ленту, привязанную к гитаре, повесил её себе на плечо, а чтобы не мешала при ходьбе, привычным движением руки сдвинул её себе за спину. И бодро зашагал по еле виднеющейся тропинке троллей в сторону леса.

3

Испив сладкого эля, Проныра с наслаждением откинулся на скамейке к стене.

„Вот это жизнь, – думал он, – да-а. И плевать на эту грёбанную дверь“. Но не успел он как следует разомлеть от выпитого и съеденного, как истошный вопль вывел его из сладкой полудрёмы.

– Проныра! Ты чё, совсем оглох?! Встречай старых друзей, – и не успел Проныра вымолвить и слова, как рядом с ним на скамью грохнулся пузатый гоблин Нэдфилд.

– Ну что, дружище, выпьем, – сразу переходя к делу, предложил Нэдфилд. – Ты, что будешь? – и не дожидаясь, пока Проныра ответит, завопил во всю мощь своей луженой глотки:

– Эля! Сладкого весеннего эля! Для меня и моего всеми уважаемого, благороднейшего друга сэра Проныры!

– Кончай глотку драть, – возмутился лысый тролль из-за соседнего столика. – Если так охота пожрать и выпить, то иди и сходи. Здесь самообслуживание, а то от твоих истошных воплей все уши заложило.

– А ты не подслушивай! – рявкнул Нэдфилд. Но всё же вылез из-за стола и пошёл заказывать выпивку к стойке.

Вернувшись с полными кружками пенящегося эля, он уселся на скамейку возле Проныры. Пододвинул ему одну кружку, а сам принялся смаковать другую. Но не успел Проныра сделать и глотка, как рядом с ними возник эльф Коротышка.

– Привет вам, благородные сэры. Не возражаете, если я присоединюсь к вашему столику, а то все остальные места заняты. О-о! Сладкий весенний эль! Вы решили меня угостить, как это любезно с вашей стороны, – с этими словами Коротышка схватил кружку Проныры и мигом осушил.

– А-а! Ну, отдай! – завопил Проныра, кидаясь к Коротышке и хватая его за горло. – Совсем обалдел! – но было поздно, вся выпивка уже перекочевала в желудок Коротышки, который тем временем извивался в руках Проныры, тщетно пытаясь вырваться.

– Да, ладно, пусти! – прохрипел Коротышка.

Но Проныра, лишившись своего любимого напитка, был неумолим.

– О, любезный сэр! – заверещал Коротышка, решив применить другую тактику. – Подойдя к вашему столику, за которым восседали такие благороднейшие рыцари, и, увидев перед Вами, сударь Проныра, бокал такого гнуснейшего пойла. Я не мог его не выпить, так как сии мерзейшие помои недостойны не только ваших уст, но и взгляда. Я никак не мог подумать, что вы собираетесь это пить. И, если не угоди...

– Ах, ты гнусный, вонючий недомерок! – вскричал Проныра, перебивая эльфа. – Да, как ты смеешь оскорблять сие вино, которое сам же и вылакал! – И начал трясти Коротышку, как мешок с картошкой.

В харчевне все посетители повскакивали со своих мест, наблюдая за происходящим.

– Проныра, покажи ему! – вопили одни.

– Нет, Коротышка прав, – надсаживали глотки другие, стуча кулаками по столам, пытаясь переорать друг друга.

– Ставлю грош, что Проныра надерёт ему задницу! – заорал, вскакивая на столик, какой-то толстый гном.

– Тихо!!! – перекрыл, поднявшийся шум, рёв Громилы.

– А-ну, заткнулись все! – Громила начал протискиваться к столику Нэдфилда с Пронырой.

Проныра сглотнул и на мгновение разжал пальцы, чем Коротышка не преминул воспользоваться. Через мгновение маленький эльф уже нёсся во весь дух к выходу из трактира. Проныра кинулся за ним, но мощная волосатая рука ухватила его.

– Не в моей забегаловке! – рявкнул Громила. – А то навешаю таких, что сам себя не узнаешь. Это приличное заведение, а не какой-нибудь тебе танцпол параллельного мира.

– Танцпол – это не... – хотел было возразить Проныра, но, встретившись с взглядом Громилы, передумал и произнес, – твоя харчевня. Ты прав. Но эльф сам нарвался.

– Верно, – сказал Нэдфилд. – Я могу поручиться, что эльф первый начал, выпив весь эль Проныры, вдобавок обозвав эль „гнусным пойлом“.

– „Гнусным пойлом“?! – взревел Громила, громче тещи орка Пузана, Матушки Любавы, которая славилась тем, что, впав в раж, могла переорать мартовских котлов всех вместе взятых. А в позапрошлом году, когда она шла в соседнюю деревню Болтухино, и на нее напал василиск Остроглаз, наводивший ужас на всю округу более полувека, она, не растерявшись, так завизжала, что василиск не только потерял сознание, но и получил заикание на полгода вперёд. Теперь, встретив его на тропинке в лесу, поджидающего очередного путника, стоит только напомнить имя матушки Любавы, как он сразу начинает икать, моментально растрчивает весь свой грозный запал, заодно и зверский вид и, скорчив обиженную гримасу, спешит обратиться с дороги.

– Он так и сказал? – продолжал кипеть праведным гневом Громила.

– Ага, – буркнул Нэдфилд.

– Ну, попадись он мне! Мокрого места не останется, только маленькая кучка сухого удобрения. – Зловеще сверкнув налитыми кровью глазами, пообещал хозяин харчевни, откидывая мокрые от пота пряди волос со лба. – Более мерзких, подлых и лживых существ, чем эльфы не встречал.

– А в народе говорят, что про них в параллельном мире, ну, этом Замля, или как-то так, – встрял Овгард, лысый тролль, – в умных книжках пишут, что они благороднейшие и умнейшие существа...

– Кончай брехать, – перебил его Нэдфилд. – Они там вообще в их существование не верят. Считают чушью. Сумасшедший мир.

– А, ты откуда знаешь? – спросил Громила, с подозрением косясь на Нэдфилда.

– А мне Просветлённый Отшельник говорил, – с умным видом, приосаниваясь, провозгласил Нэдфилд. – А он мудрейший из отшельников, так как у него ещё в век Ястреба после 50-ти дневной медитации открылся третий глаз.

– Да ни фига он не знает, твой отшельник, – вскипел Овгард. – А третий глаз у него открылся после того, как он галлюциногенных грибов с белладонной объелся. Так после них и не такое открывается.

– А ты чё, пробовал? – полюбопытствовал Проныра.

– Ага. Он их ведрами жрёт без запивки, – съязвил Нэдфилд. – Каждое утро по ведру. Это у него вместо утренней зарядки для поднятия тонуса.

– Да пошли вы, остряки доморощенные, – буркнул Овгард, отворачиваясь от них и направляясь к своему столику, где плюхнулся на скамейку и мрачно уставился в свою кружку.

– Он чё, обиделся что ли? – спросил Проныра, когда после ухода Овгарда разошлись и уселись за свои столики потревоженные посетители харчевни, весело обсуждающие происшедшее. – Эй, Овгард, кончай дуться, давай лучше выпей с нами за долголетие и процветание сей славной харчевни, и забудем все эти заумные споры, из-за которых вышла такая фигля-мигля.

– Не буду я пить с теми, кто надо мной смеётся, – обиженно пробурчал, не поднимая глаз от кружки, Овгард.

– Не хочешь и не надо. Нам тут Громила вытащил бутылку старого доброго эльфийского вина, и мы хотели тебя, славящегося своим тонким вкусом и пониманием в винах, просить продегустировать и оценить вкус и аромат сего благородного напитка. Но раз ты не хочешь...

– Подожди, продегустировать? Так чего ты раньше не сказал! Без меня не начинайте! – хватая кружку и бросаясь к их столику, завопил Овгард.

4

Трубадур медленно продвигался по лесу в сторону границы с Гвилбердом, напевая себе что-то весёлое под нос. Осторожно обходил крупных зверей и не слишком удачно ловил мелкую живность – охотник из него был неважный. Именно поэтому он чаще вёл вегетарианский образ жизни.

Ранним утром трубадур достиг границы, где заканчивались земли Великого короля Троллей – Филберта и начинался Гвилберд.

На тракте у ворот в будке спал один жирный тролль, который сладко посапывал. Решив не будить стражника, Пройдоха решил проскользнуть незаметно, но зацепился гитарой за створку ворот, отчего те противно заскрипели.

– Кто идёт? Стой, стрелять из рогатки буду! – раздался грозный окрик, вмиг проснувшегося тролля.

– Эй, эй, полегче! Господин стражник. Музыкант я. Веселый Пройдоха, иду в Гвилберд петь в хоре Великой Феи, – соврал трубадур, решив, что если скажет, что собирается петь по

трактирам, то стражник заломит плату за проход несоразмерную. А то и вообще не пустит, типа у них и своего сброда хватает.

– Петь в хоре? – подозрительно протянул грузный стражник, причёсывая волосы пятерней, попутно оглядывая не слишком чистую и новую одежду трубадура и, не найдя его слова убедительными, сплюнул под ноги Пройдохи. – А ну проваливай отсюда, голодранец!

– Точнее, я студент музыкального хора, только учусь еще, живу в общежитии, – поправился музыкант. – Инструмент казённый, – показал взглядом на гитару Пройдоха. – В случае отчисления надо вернуть.

Троль почесал пузо, скривив губы и махнул рукой.

Связываться с этими студентами себе дороже, голы как мыши, да ещё и проблем не оберешься, если их куратор узнает, что он уроки прогуливал из-за того, что его на границе задержали. Был в позапрошлом году случай, один такой умник полсеместра прогулял, а потом его удачно один раз на границе задержали, так он такую отмазочную телегу слепил, и слезы чистой росы пускал, что его якобы полгода не пускали на обожаемые лекции. После этого весь караул чистил королевские туалеты неделю в назидание другим. Не надо – уже учёные. Пусть с этим студентом застава Страны Роз и Цветов имеет дело.

Благополучно покинув земли троллей, Пройдоха дошел через полкилометра до следующей будки заставы людей, где ему повезло больше. На дежурстве был старый капитан Врандон, который ничего не имел против музыкантов и даже пригласил трубадура с ним отобедать, а то торчать тут целыми днями скучно. Попутно уточнил, не беглый ли он преступник и не скрывается ли от алиментов? А то тогда через границу нельзя.

На что Пройдоха поспешил уверить, что он и женат-то никогда не был. А на счёт его преступной деятельности, то тогда дела у него явно паршивы, судя по его одежке.

Капитан Врандон только улыбнулся в усы, оценив шутку. Насыпал сухариков трубадуру на дорожку и пожелал удачи в дороге.

Глава 2

Что бывает, когда ты проснулся в неудачное время и в ещё более неудачном месте

1

Великая Фея, правительница Гвилберда, принцесса Эвредика сидела у окна в своём замке и задумчиво смотрела на Север. С гибкой и тонкой фигурой, пышными ниспадающими почти до самых пят волосами, отливающими золотом, мраморно белой кожей, она походила на девочку подростка, и только большие темно-синие глаза, говорившие о мудрости тысячелетий, выдавали в ней Бессмертную. Она задумчиво крутила кристалл, висевший у неё на шее, на цепочке. Он сиял призрачным желтоватым мерцанием, которое временами вспыхивало ослепительно ярким светом с красноватыми и голубоватыми прожилками в нём.

Прогремел гром. С севера надвигалась гроза. Последнее время бури и грозы участились. Она смутно догадывалась, с чем это связано, но молчала. Нет смысла раньше времени пугать людей. Может, это просто участившиеся грозы и непогода. Пока остаётся только ждать. Терпением она обладала в избытке. Эвредика улыбнулась. Она любила грозы, когда льёт как из ведра, непрерывно сверкает молния, ветер гнёт деревья к земле. А затем наступает затишье, выглядывает солнце. И тогда на небе, сверкая всеми красками, переливаясь, появляется радуга. Начинают петь птицы, мелкие зверушки выглядывают из норок. На деревьях подсыхают радужные капельки воды, птицы, весело щебеча, стряхивают их на землю, распускаются цветы, около которых сразу начинают виться насекомые.

– Ваше Высочество, – оклик вывел Фею из задумчивости, она оторвала взор от окна и обернулась на голос, позвавший её.

В зал вошел стройный юноша, королевский паж, почтительно кланяясь, опустился на одно колено и стал ждать, когда Фея позволит ему встать и заговорить.

– Сэр Рэймонд, встаньте немедленно, – слегка нахмурив брови, приказала Фея. Сколько лет она была правительницей Гвилберда, столько её раздражал чересчур церемонный этикет Мира Воителей и его стран. Она не была против этикета вообще, но считала, что здесь он переходит все границы. Эвредика побывала во многих мирах и повидала множество стран и нравов. Хотя, по сравнению с некоторыми мирами, которые ей встречались, лучше уж витиеватая церемонность и чересчур напыщенная высокопарными словами речь, чем неприкрытые грубость и хамство.

– Говорите, – добавила Эвредика, так как поняла, что поднявшийся с колен юноша, если ему не приказать, не осмелится вымолвить и слова.

– О-о, Высокородная и Величайшая Фея, Правительница Гвилберда, Принцесса... – завёл паж.

При первых же словах Фея еле сдержала желание треснуть парня хорошенько по голове, да по сильнее, чтоб всю дурь вышибло, и он заговорил нормальным языком, а еще лучше, чтоб сразу перешёл к делу. Но, проявив недюжинную силу воли, Эвредика сдержала свой далеко уже не первый порыв и, перестав слушать, задумалась. Пока юнец перейдёт к делу, пройдет четверть часа, не меньше. Из задумчивости ее вывел голос Рэймонда, который, похоже, что-то спрашивал у нее, видимо, не в первый раз, что говорило о деле большой важности и срочности. Обычно, задав вопрос, паж терпеливо ждал, когда Фея ему ответит.

– Да, Рэймонд, – произнесла Эвредика, – пожалуйста, повторите то, что вы сказали только что.

Юноша, забыв об этикете, на мгновение разинул рот и во все глаза уставился на Фею. Повторить? В его больших выкатившихся из орбит глазах удивление боролось с любопытством. Да, Фею чуть ли от скуки не ломает, она прямо зеленеет от тоски, стоит только кому обратиться к ней в положенной по этикету форме, соответствующей её положению. Хотя не понятно, что её всегда раздражает. Может, он говорить плавно и красиво не умеет, как сэр Подлиза, оратор, славящийся своим красноречием. Хотя нет, когда пару лет тому назад тот приезжал ко двору и пытался читать стихи в честь Великой Феи, то она впала в ступор ещё до начала чтения стихов на вступительной речи, несмотря на то, что он очень велеречиво говорил. Наверное, их речь слишком груба для ее нежного слуха, подумал Рэймонд, и все слова, произносимые ими, кажутся ей слишком резкими. Ведь она Фея. Гм, похоже, сегодня он превзошёл самого себя, раз Фея хочет послушать его ещё раз. Но, встретившись глазами со взглядом Эвредики, несчастный паж понял, что снова потерпел неудачу, Фея не слышала ни слова из того, что он говорил.

Эвредике, мгновенно заметившей все эмоции, отразившиеся на лице юноши, стало его жаль. И она быстро произнесла:

– Хотя нет, благодарю вас, сэр Реймонд. Сегодня ваша речь на редкость была красивой, а в словах, произносимых вами, сквозила такая глубина мысли и сила духа, что вы приятно поразили меня вашим докладом и изысканностью его слога. И мне захотелось услышать все это ещё раз. Но так как дело срочное и не требует отлагательства, ... – при этих словах Фея сделала многозначительную паузу, давая возможность парню объяснить, зачем он конкретно пришел, что позволило бы ей выкрутиться из сложившегося щекотливого положения.

– То есть вы примете сейчас сэра Хорварда, рыцаря Пурпурной Звезды, герцога Зеленой Роши? – уточнил паж.

– Да, разумеется, – согласно закивала с явным облегчением Фея.

Польщенный юноша, сияя от счастья, моментально понёсся к выходу, чтобы объявить волю Принцессы.

– Ну и глупости ему иногда мерещатся, – подумала Принцесса: на самом деле она не слышала ни слова.

У Фей была способность – умение определять, когда человек говорит правду, а когда лжёт, из-за этого их раньше часто и делали правителями, что позволяло Феям более мудро и справедливо управлять королевствами. Сейчас Эвредике предстояло испытать это на герцоге Хорварде. Другие свои многочисленные способности она предпочитала держать в тайне, что было необычно для Феи ее ранга.

– Сэр Хорвард, рыцарь Пурпурной Звезды, герцог Зеленой Роши, – объявил глашатай, входя в зал.

Вслед за глашатаем вошёл бородатый человек, богато одетый, с лицом, загоревшим почти до черноты от долгого пребывания на солнце. Он вежливо поклонился и поприветствовал Эвредика.

– Оставьте нас, – приказала Фея, обращаясь к глашатаю и охране, вошедшей следом за герцогом. Те, хмуро покосившись на герцога, с неохотой подчинились.

– Приветствую Вас, герцог, – произнесла Эвредика, обращённую к Хорварду, ритуальную фразу.

2

Маргелиус был заключён в каменный гроб в подвале. Он шевельнулся. Приоткрыл веки и понял, что от этого ничего не изменилось. Все равно темно, как в норе крота. Чихнул и

снова сомкнул веки. Когда его заключили в этот каменный мешок и наложили заклятие смерти, то, по задумке магов, он должен был всё забыть и спать спокойным, вечным сном. При этой мысли Маргелиус в который раз выругался, тоскливо подумав: «Гуманисты бездушные, нет бы, пристукнули сразу. Оказывается, заживо гнить в каменном гробу намного человечнее в их понимании».

Когда Маргелиус проиграл битву при Альгарде с Вечным Воителем, Совет Магов сначала принял решение ещё более оригинальное, чем это: зашвырнуть его в какой-нибудь отдаленный параллельный мир, откуда бы он не смог найти дорогу обратно. Но, спасибо, будущая Великая Фея Эвредика, дочь Вечного Воителя, тогдашнего правителя Страны Роз. Воитель тогда уже привлекал дочь к будущему управлению делами государства. Придя в ужас от такого варварского решения, Фея вмешалась в спор и убедила своего отца и всех высокочтимых и мудрых магов в том, что этого делать нельзя. Ведь такой выродок, как герцог Маргелиус, если и не сможет вернуться назад, в чём она сильно сомневалась, то способен натворить такого в параллельном мире, что отголоски его «подвигов» вполне могут докатиться и до их мира. И что бы сказал Совет Магов, если, например, другие параллельные миры стали отправлять своих отморожков и изгоев к ним. Послушавшись совета мудрой Феи, маги сковали плененного после битвы Маргелиуса цепями и поскорее наложили на беспомощного герцога древнее заклинание смерти. Положили его в гроб, который ещё быстрее опечатали и затолкали в самый дальний и глубокий подвал замка. Вход в подвал шустренько замуровали, трясаясь от страха, поэтому пинками и тумаками заставляли рабочих пошевеливаться. И спать бы Правителю Севера вечность. Если бы... не одна маленькая деталь. Тот, кто накладывал заклятие, намеренно опустил пару слов, подменив их другими. В результате герцог уснул, чтобы пробудиться позже.

За годы, проведенные во сне, Маргелиус полностью восстановил не только физическое здоровье (все раны и ожоги зажили много лет назад), но и душевное. Он снова обрёл уверенность в своих силах и могущество, которое с годами не только не уменьшилось, но и возросло. Бессмертные с годами в Мире Воителей становятся сильнее. Пленённый маг осторожно выбросил мысленный шуп и пошарил по окрестностям замка. В замке и его окрестностях не оказалось ни людей, ни животных. Он расслабился, повернулся на бок и положил руку под голову. Затем напрягся, перейдя на инфракрасное зрение, и с недоумением увидел обрывки кандалов в гробу возле своего тела. Да, маги Высокого Совета всегда были жмотами, на нормальные несносимые коррозиестойкие кандалы для пленника денег пожалели, решив, какая разница, в чём гнить узнику. Кандалы со временем сожрала ржавчина. И на одежде, похоже, тоже сэкономили, выругался Маргелиус, поняв, что лежит практически голый. Ткань, не выдержав испытания временем, рассыпалась практически в прах. Жалкие, ветхие, истлевшие, дырявые тряпочки одеждой можно было назвать с большим натягом. Герцог медленно провалился в забытие.

Внезапно, ощутив мысленный толчок, герцог очнулся: кто-то думал о нём. Он оживился, но затем настороженно замер. Это был не Зов. Кто? Враги? Они узнали, что он не спит вечным сном? Нет, невозможно, маги не стали бы вступать с ним в мысленный контакт, а, не говоря ни слова, вытащили бы каменный гроб и скинули в кратер вулкана. Далеко ходить не надо. У него в горах есть парочка: Пыхтелка и Курилка.

Тогда кто? Маргелиус начал осторожно раздвигать границы сознания. Он увидел весело шагающего по тропинке троллей патлатого парня с гитарой. Значит, этот юнец думает о нём. Давно о нём никто не думал. Он услышал мысли этого парня, а принял за Мысленный Зов. Маргелиус задумался, где-то он уже видел этого путника.

Стоп. Внезапно мозг Маргелиуса пронзила мысль. Его разбудил этот хипповатый чудак, худосочный хлюпик! Он вспомнил, но этого не должно было произойти. Маргелиус спал, но кто-то настойчиво думал о нём, мешал сну, выдергивая из состояния блаженной дремоты. Он пытался отделаться от этого зова, но последний настойчиво стучался в уши, будил его. Тогда

герцог моментально озверел и послал мощную волну холода в сторону досаждающего ему человека, но помешал гранитный гроб, да и расстояние было слишком велико. Поэтому путника только слегка обдало прохладцей, что в летний зной бывает весьма приятно. Но парнишка оказался довольно трусливым и, подскочив от страха, пустился прочь от озера, развеселив герцога. Маргелиус проснулся окончательно.

Но почему? Почему его смог разбудить этот парень? Он великий маг? Нет, он даже не почувствовал мысленного прощупывания.

«Проклятие, снова все идёт не по плану, – выругался герцог. – Значит помощь не придёт. Сколько же я спал? Что творится в мире? Осторожно попробовать дотянуться до этого чудика, с которым возник контакт? Тогда смогу побольше узнать о мире и делах, которые в нём сейчас происходят».

Маг улыбнулся, втянув мысленный шуп.

Глава 3

Благими намерениями дорога вымощена в... не самое приятное пешее путешествие

1

Бредя по лесной тропинке, Весёлый Пройдоха размышлял о делах минувших дней, так как делать всё равно было нечего. Затем мысли его вернулись к легендам о Маргелиусе. Интересно, правда ли он был такой рехнувшийся в своей вспыльчивой воинственности урод, как в народе говорят, или всё-таки брешут. Может это все больше миф Бессмертных – мозги пудрить, какие они особенные. Вечно они лезут в дела людей, чтобы оправдать своё тунеядство. И правду ли говорят среди людей, что Мудрый Дурак снова надумал жениться. Не придя ни к какому определённом выводу, Пройдоха решил, что неплохо было бы сделать привал и подкрепиться. Вот только одна маленькая незадача – жрать-то ему почти нечего. В котомке одна вяленая рыбина, жёсткая как подметка сапога, и полмеха кислого вина.

– Эй, куда прёшь?! – заорало у него прямо над ухом. – Чё, совсем глаза залил по самые уши или мухоморов накурился, раз не видишь, что лезешь ко мне на дом.

Пройдоха неуклюже схватился за кинжал и, растерянно моргая, замер, пытаясь понять, откуда исходит голос столь враждебного существа.

– Эй, тебе говорят, – заорало снова, только уже откуда-то сбоку.

– Ты кто и вообще где? – спросил вконец ошалевший Пройдоха, растерянно переминаясь с ноги на ногу и оглядывая окрестности.

– Ну ты вообще валенок, – съязвил голос, – раз такой тупой, то так и быть, просветлю простофилю. Обманули дурака на четыре кулака.

– Тьфу, – сплюнул трубадур. Он понял, что стал жертвой дурацкого розыгрыша насмешника.

Насмешники – существа, длиной сантиметров пятнадцать-двадцать, похожие на ящериц, только разумные, были вообще-то довольно безобидными, если, конечно, не считать их мерзкой привычки: подстеречь какого-нибудь одинокого путника на тропинке в лесу и устроить ему «тест на трезвость» – так они называли свои гаденькие розыгрыши. В крайнем случае, при полном отсутствии чувства юмора у путника и проявлении агрессии, насмешники, изловчившись, могли харкнуть в глаза незадачливому путешественнику, а затем быстренько удрать на своих маленьких зелененьких лапках.

Пройдоха досадливо поморщился и решил впредь быть осторожнее. Хорошо ещё, что он нарвался на насмешника, а мог бы на кого и похуже: не все обитатели леса так безобидны, как эти зелёные чудики. Правда и противных, как они, не так много. Если устроить конкурс на противность, то из всех обитателей леса им бы досталось если и не первое место, то второе – сто процентов.

Внимательно прислушиваясь ко всем шорохам, раздававшимся в лесу, трубадур осторожно двинулся дальше. Навстречу ему выскочило семейство ежей и, увидев путника, деловито поспешило скрыться в лесной чаще.

Неожиданно его внимание привлёк жалобный писк. Юноша остановился и стал прислушиваться. Писк повторился. Пройдоха сошёл с тропинки и, бесшумно ступая, двинулся на звук.

В следующий миг ему открылась неожиданная картина. На небольшом участке земли возилось полтора десятка насмешников, пытаясь сдвинуть с земли поваленную ветку. Заинтересовавшись, зачем им это понадобилось, трубадур подошёл поближе. При его появлении насмешники кинулись во все стороны. Но теперь он смог увидеть, что привлекло их внимание. Под поваленной бурей веткой лежал детёныш насмешника, не совсем маленький, но и не взрослая особь. Того придавило сломавшейся веткой, которую безуспешно и пытались сдвинуть более взрослые сородичи. Пройдоха быстро подошёл, чувствуя, как из-за зелёной листвы за ним настороженно наблюдают насмешники, ухватился за толстый ствол поваленной ветки и сдвинул её с несчастного. Тот, пискнув, мгновенно скрылся в зелёной листве.

Пройдоха развернулся и пошёл в сторону тропинки.

– Подожди, – пискнуло из-за дерева.

Трубадур замедлил шаг, но не остановился.

– Стой! Мы не сделаем тебе ничего плохого. Мы хотим тебя отблагодарить, – пропищал, выбегая из-за дерева, один из насмешников.

Услышав такие слова от насмешника, ожидая самого худшего, Пройдоха моментально прибавил шаг, подумывая в крайнем случае дать дёру. Так как ни о какой благодарности со стороны насмешников ещё никто не слышал, а вот очередную гадость они вполне могли придумать. Вроде прицельного обстрела его гнилыми плодами с деревьев. А добраться до маленьких гадов будет очень трудно, так как они моментально, как саранча, будут разбегаться по веткам деревьев, прыгая с одного на другое.

– Да, подожди же! – и на плечо ему с дерева сверзился насмешник. – Ты спас одного из сыновей нашего короля. И он без всякого заподла хочет тебя отблагодарить. Король желает с тобой говорить.

Пройдоха остановился и с искренним любопытством, в котором плескалась немалая толика недоверия, посмотрел на насмешника. Но на вид тот был близнец близнецом всей остальной зелёной братии своих сородичей, и уж тем более на его задумчивой мордочке ничего нельзя было с уверенностью прочесть.

– Хорошо, – подавив вздох, кивнул юноша.

2

Вывалившись из харчевни вместе с Овгардом и Нэдфилдом, Проныра поделился с ними своими бедами по поводу двери. Те, возмущенно загалдев, предложили обойти всю деревню и посмотреть, у кого может быть украденная дверь.

– У Годфилда, он вечно прёт всё, что, по его мнению, плохо лежит, – высказал по пути свое мнение Нэдфилд.

– Нет, тот хлам не берёт, – перебил Овгард.

– Значит, братья Твердолобы, те точно не побрезгуют в силу отсутствия мозгов, – снова проявил недюжинные задатки следопыта Нэдфилд.

– Точно они, – подхватил Проныра. И вся честная компания двинула по переулку в направлении хижины братьев Твердолобов.

– Ребята, только не пасовать. Сразу наедем. А то после отопрутся. И в деревне начнут говорить, что мы мямли, не умеем вести переговоры, – поучал друзей Проныра, остро переживающий за успех их предприятия.

– Да сами знаем, ты лучше за собой следи, – окрысился Овгард, уже немало струхнувший и от этого храбрившийся ещё больше, из опасения как бы товарищи не заподозрили его в отсутствии мужества.

Подойдя к хижине Твердолобов, Проныра расправил плечи, пригладил пятерней торчащие во все стороны волосы и решительно постучал в дверь.

На стук никто не вышел. Тогда Проныра застучал кулаками в дверь изо всех сил, так что под градом ударов дверь жалобно закричала.

– Дома никого нет, – прогрохотало из-за двери.

Проныра нерешительно замер.

– А кто тогда отвечает? – тут же проявил он чудеса сообразительности.

– Автоответчик, деревня! – раздалось в ответ.

Проныра окончательно растерялся, но тут ему на выручку пришел Нэдфилд.

– Дай я попробую, а про автоответчик брешут. Откуда ему в их обветшалой хибаре взяться? Когда у них и туалета культурного нет, бегают в дырку за домом.

– Кончай врать! А ну открывай, а не то дверь вышибу и отберу карты!

Все в деревне знали, что братья Твердолобы, Тугодум и Тугомысл, заядлые картёжники, и, если чем и можно было им пригрозить, так только этим. Больше всего на свете братья боялись лишиться своих карт.

– Не надо! – взвыл голос за дверью. Дверь моментально открылась, и на пороге возник верзила с всклокоченными волосами и выпученными глазами в полтора раза здоровее Проныры.

– Отдавай дверь! Не смей запираяться. Я все знаю, – грозно вращая глазами, наседал Проныра.

– Какая дверь? Ребята вы чего на честных парней наезжаете? – попробовал отвертеться старший из братьев – Тугодум.

– Да. Мы ничего не брали, – поддакнул ему младший брат Тугомысл. – Откуда нам знать, куда делась эта старая обшарпанная дверь, которую мы продали Мозгляку.

При этих словах старший, который был чуточку умнее, моментально отвесил любимому братцу затрещину, чтобы тот заткнулся. Но, увидев грозные лица незваных гостей, понял, что опоздал. Гости были не лыком шиты и мигом сообразили, что рыльце у обоих братьев в пуху. Обиженно засопев, Тугодум решил:

– Хорошо, мы всё расскажем. Только не обижайте нас.

Это было странное зрелище: два не особо крупных гоблина и один лысый тролль заседали на двух здоровенных гоблинов, которые вместо того, чтобы надавать незванным гостям затрещин и вытолкать их вшаей, упрасивали тех не трогать их. Но такова была натура братьев Твердолобов: при здоровенном росте и зверских физиономиях, которыми впору пугать маленьких детей и их не особо храбрых родителей, они были безобидными и добрыми парнями, вечно попадающими во всякие глупые истории. Обидеть кого-либо специально они были не способны.

– Идем мы, – начали братья, – смотрим, дверь бесхозная валяется. Никому ни нужна, думаем, не порядок, ну и прихватили...

– Врёте! – взвизгнул Проныра.

В конце концов, после многочисленных споров и трёх выпитых кувшинов вина из закромов братьев Твердолобов, удалось установить, что дверь на самом деле взяли Твердолобы, так как им очень хотелось купить новые кувшины под эль, которые продавал Мозглек из соседней деревни. Денег у них на тот момент не оказалось, а в кредит жадина Мозглек давать отказался, несмотря на все клятвенные заверения братьев расплатиться позже. В конце концов после долгих дебатов Мозглек согласился обменять кувшины на дверь. Но и лишней двери у братьев не оказалось. Сначала они приуныли, но затем обнаружили на краю деревни заброшенную сарайку, таково было первое впечатление, произведённое на них домом Проныры. Ну и подумали, что если снимут с неё дверь, то никому в здравом уме и в голову не придет её искать.

– Мы не знали, что в том сарае кто-то жил, тем более ты, Проныра. – Виновато завершили свой рассказ братья, отводя глаза. Им было очень стыдно за свой поступок.

– Идиотская затея, – взорвался Овгард. – Такое могло прийти в голову только таким тупицам как вы. Кто же такое барахло купит? Если воровать, то уж чтобы было, что переть.

– Так и было, – пробурчал Тугомысл, – знаете, какая она тяжеленная оказалась. Чуть не надорвался.

При этих словах Проныра с товарищами покатались со смеху. Нет, братья Твердолобы они и есть, твердолобы, точнее и не придумать. Посмотрев на братьев, застывших с недоуменным выражением на физиономиях, Проныра еле устоял на ногах, ощутив очередной приступ смеха. На этих здоровяков невозможно было сердиться, до того уморительное зрелище они представляли.

– Где дверь? – отсмеявшись спросил он.

– Продали, – сразу от чего-то загрустил Тугодум, потупив свирепые глазки.

– Как продали? Кому? – прервал его Проныра. – Мозгляку?

– И он купил? – выпучил глаза от удивления Овгард. – Он что, полный кретин, если сменял кувшины на дверь Проныры? Может, мне тоже свою загнать?

– Перестаньте ржать! Лучше скажите, что теперь делать будем? – возмутился Проныра.

– Может, сходить попросить обратно, – неуверенно предложили братья в один голос.

– Ага, так он и отдал. Держи карман шире, – вклинился Овгард.

– Так, – решил Нэдфилд, – завтра с утра берете кувшины и идёте к дому Проныры.

– Зачем? – удивились братья.

– Затем, тыквенные головы, что пойдём завтра менять кувшины на дверь обратно, – припечатал Нэдфилд. – Надо бы вас, конечно, одних отправить, да толку от вас, пока шлёпаете или заблудитесь, или позабудете, зачем шли.

3

Когда Пройдоха пришёл на небольшую, залитую ярким солнечным светом полянку, и услышал, в чём состоит благодарность насмешников, то от неожиданности чуть не подскочил на месте и моментально намерился сбежать. Молниеносно развернулся и припустил без оглядки, не разбирая дороги, в чащу леса. Но споткнулся о двух насмешников с приторными улыбочками услужливо оказавшихся у него на дороге, и, не успев моргнуть глазом, грохнулся на землю во весь рост.

– Смотрите, как он обрадовался милости нашего короля, аж голову потерял от радости, – прогундосил один из насмешников, собравшихся на поляне.

– Еще бы, ведь сам король отдает ему своего спасённого сына в попутчики на год. Есть от чего умом подвинуться. Такая честь, – поддакивали другие.

– Нет, только не это, – простонал несчастный трубадур, поднимая с земли голову. Заиметь в попутчики насмешника, только этого ему и не хватало для полного комплекта неудач. Теперь маленький зеленый изверг всю дорогу будет изводить его. И неизвестно, удастся ли от него избавиться в ближайшем будущем.

– Это он считает себя недостойным такой милости, Ваше Величество, – пояснил взволнованному королю, который слез с королевского пня и, совсем не королевской трусцой, направился к ним, один из двух насмешников, о которых и споткнулся юноша.

– Достоин, достоин, – радостно подхватил король, с чистым умилением глядя на Пройдоху, а за ним и все придворные.

Юноша поднялся на ноги и понял, что влип окончательно. На данный момент отделаться от спасённого сына короля не удастся, и придётся ему дальше отправляться в такой компании. Спасённый тем временем радостно запрыгнул ему на плечо и удобно устроился, заявив:

– Меня зовут Ясень. Куда путь держим?

– А ты сам идти не собираешься? – возмутился Весёлый Пройдоха.

– Зачем? Если есть ты, – вытаращил глазенки-пуговицы насмешник. – Давай подбирай орехи и фрукты, видишь, нам уже в дорогу пожрать собрали. Оперативно работаете, ребята! Счастливо оставаться! Не поминайте лихом! – надсаживал глотку с трубадурина плеча Ясень.

4

Утром вся честная компания гоблинов: Нэдфилд, братья Твердолобы и один тролль во главе с Проньрой вышла из своей деревни Самохвалово в направлении деревни Умново, где жил Мозгляк. Они весело насвистывали и напевали, не особо музыкально, правда, так что все певчие птицы в округе, слышав их лишенное музыкальных способностей пение, получали расстройство слуха и в шоке падали с веток деревьев на траву. Это не особо расстраивало наших доморощенных певцов, которые не очень хорошо поняли от чего все животные, слышав их хриплые голоса, выводящие рулады, спешат убраться подальше с их дороги. Но благодаря птичкам, падающим с деревьев в обморок, голодными им остаться не грозило.

Ходу до деревни Умново, где проживали умники, хотя, судя по сударю Мозгляку, не шибко-то они там умные, было три дня, а бегом – полтора. Правда, второе утверждение никто не проверял, может и брешут.

К обеду они дошли до развилки тропинок и заспорили куда идти.

– Налево, мужики, – твёрдо настаивал Проньра.

– Ага, всё-то тебе налево! От жены налево ходить будешь. А к деревне ведёт правая дорога, – встрял Овгард.

– Ладно, парни, кончай перебранку. Сделаем привал, перекусим, а там решим куда идти, – изрёк Нэдфилд.

Братья Твердолобы, не принимавшие участия в споре, согласно закивали, моментально грохнувшись на землю.

Поев, решили поспать. Когда продрали глаза, Нэдфилд вынес решение.

– Пойдём прямо, в умных книжках в параллельном мире Земля пишут, что мир круглый, так что если и заблудимся, то после все равно, по-любому, припрём обратно в свою деревню.

– А долго идти? – спросил, глядя с уважением на пузатого гоблина, Овгард.

– Месяц, не меньше, – изрёк с умным видом Нэдфилд, почесывая затылок и приосаниваясь всей своей низенькой коренастой фигурой.

– Тогда пошли быстрее, – распорядился Проньра. – Парни подъем, – добавил он, обращаясь к братьям Твердолобам.

Глава 4

О последствиях, или что бывает, когда советники королевства не учили историю своих предшественников

1

Хорвард врал как всегда, то есть как сивый мерин, временами путался в своём вранье. Но ничуть при этом не смущался. Сочинял он, дай бог каждому. Эвредика подозревала, что в нём погиб талантливый скальд. Если записать все истории, придуманные им, где автор всегда был очень храбрым и любвеобильным главным героем, то вышла бы толстенная книга, даже не одна. На данный момент он заливался соловьём, красочно живописуя своё очередное любовное приключение, полное опасностей, поджидающих благородного рыцаря.

– И когда драконша мне сказала: „я люблю тебя“, я не смог устоять и...

На этих словах Фея удивлённо раскрыла глаза во всю ширь и ляпнула, уставившись на Хорварда с неприкрытым любопытством в глазах:

– Что?! Ты хочешь сказать, что имел любовь с драконом?! Это как выглядит, прости за нескромный вопрос, или любовь была чисто платоническая?

Хорвард ошарашено заткнулся, поняв, что перегнул палку. Обычно Фея тупо внимала его байкам, не отягощая свой ум выискиванием правды в историях, что делало её идеальным слушателем, а такие Хорварду с каждым днем попадались все реже и реже.

– Это сугубо личное и обсуждению не подлежит. Честь дамы, понимаете ли... Вообще, я здесь по делу... – Набычившись, обиженно, начал он.

– Простите меня. Я не хотела вас оскорбить, – поспешила успокоить его Фея, глаза которой лучились искорками смеха. – Я тут подумала: вы такой храбрый рыцарь, поэтому хотела просить вас, герцог, рассказать все истории, произошедшие с вами, моим писцам. Тогда они смогли бы запечатлеть образ такого необыкновенного и мужественного рыцаря для потомков. Ведь в наши дни встретить настоящего героя стало почти невозможно. Это стало бы достойным примером для подражания подрастающему поколению. Если у вас, конечно, для этого найдётся время. – Выкрутилась Эвредика, мысленно вздохнув.

– Гм, я подумаю над вашим предложением, Ваше Высочество, – велеречиво изрек герцог Зелёной Рощи, засияв от самодовольства. – Думаю, что я смогу выкроить для этого немного свободного времени. – В глубине души он был так польщён и доволен, что забыл все огрехи, допущенные в разговоре с ним Феей.

– Что ж, раз возражений нет, то буду польщена, если вы, отдохнув после дороги, усладите слух моего двора рассказами о своих подвигах.

– Госпожа, если позволите, одна маленькая просьба от вашего покорного слуги. Не могли бы вы приказать подать в мой номер пару бочек эльфийского вина из тех, что прислал вам в подарок король троллей Рыжий. Искусство повествования требует усиленной тренировки, во время которой у сказителя жутко пересыхает в глотке, на смазку которой не годится какое-нибудь жуткое гоблинское пойло, а только вышеуказанный эль столетней выдержки, – набравшись смелости пошёл ва-банк гость.

Вместо ответа Эвредика весело хмыкнула, но комментировать просьбу Хорварда не стала, жадность ей не была присуща. А если благородный рыцарь решил надраться ещё до вечера, то стоит ли ему мешать?

Когда герцог Хорвард покинул зал. Вошёл Занудис, один из верховных советников королевского двора, который вчера вечером прибыл из Рейсгарда, и еще не успел встретиться с Феей. Верховный советник был высоким мужчиной неопределённого возраста с острыми чертами лица и умными пронзительными глазами. Правда, его многочисленные недруги утверждали, что, кроме умного выражения на лице и несносного характера, больше похвастаться сэрю Занудису и нечем. Брезгливо поджав губы, он неодобрительным взглядом проводил Хорварда, прибывшего ко двору только сегодня утром. Его гордость была уязвлена тем, что какой-то выскочка-герцог опередил его, прибывшего раньше:

– Опять вы всякий сброд принимаете, принцесса. Это не подобает делать Вашему Высочеству. Герцога Хорварда, да будет вам известно, давно ни в один приличный дом не пускают. Всем известно, что он пустозвон и трепач. Сей рыцарь ходит по приличным домам не для того, чтобы, как думали почтенные отцы семейства, выбрать себе невесту и жениться, как подобает приличному человеку. Нет, этот низменный человечиска, оказалось, ходит по гостям с одной единственной целью: на халяву пожрать и напиться, – начал нудить советник, от возмущения сверкая глазами и размахивая руками.

– Брось, Занудис. Ты слишком сгущаешь краски, – возразила Эвредика. – Надеюсь, главная причина твоего срочного приезда – не желание преподать мне урок светских манер и указать, кого мне следует, а кого не следует принимать.

– Вы правы, принцесса, я здесь совсем по другой причине. Я явился сюда, чтобы объявить вам Решение Верховного Совета, который делал аудиторскую проверку состояния ваших дел в королевстве и рассчитал коэффициенты эффективности вашего правления. Затем все одиннадцать советников во главе со мной собрались в Рейсгарде и заседали пять недель, не вставая из-за стола, пока не приняли оное решение, кое я вам и собираюсь сообщить, – высокопарно произнес Верховный советник.

2

Покинув общество Великой Феи, Хорвард отправился к себе в номер, и проследил за процессом доставки в комнату двух бочонков отменного эльфийского вина, приглядывая за тем, чтобы хитрые пажи не додумались проделать дырок в дне бочек и нализаться. Королевские пажи – это такие сорванцы, что от них вполне можно ожидать чего-нибудь в этом духе. В позапрошлом году один наивный вельможа доверил двум друзьям – прохиндеям из цеха пажей донести до его кареты три бочки отменного эля, подаренные ему Феей. Так донести-то они донесли, вот только, что оказалось вместо эля в бочках – история умалчивает. Но с тех пор вельможа от одного только вида вина зеленеет и выбегает прочь.

Проверив целостность всех печатей на бочках, герцог Зеленой Роши вздохнул свободнее, и решил отправиться в город в трактир «В гостях у Нимфы». Данным трактиром завела бойкая тролльша Нимфа, в честь которой и был назван трактир. На нимфу или что-то в этом роде эта маленькая, сбитая бабёнка с крутым характером (сама выкидывавшая за порог тех из посетителей, которые, захмелев, начинали буяннить) была похожа мало. Трактиром она много лет уже управляла без помощи мужа, крепко держа бразды правления в своих маленьких цепких ручках. Её муж орк Крысолов отправился ещё лет эдак пятнадцать назад ловить крыс на одно из местных болот, да так и не вернулся по сию пору. Об этом весёлая тролльша не очень-то и жалела, так как теперь ей приходилось выкидывать на одного пьяного мужика из трактира меньше.

Не успел Хорвард войти внутрь трактира, как к нему сразу подскочил вертлявый человек с маленькими бегающими глазками, блокнотом в одной руке и обгрызенной ручкой в другой. Он сдернул котелок с головы, приветствуя очередного посетителя, и быстро затараторил:

– О, благородный сэръ, не соблаговолите ли вы ответить на пару вопросиков? Вот вам анкета, если ваши ответы совпадут с мнением нашей партии, то вы получите бесплатный календарик из...

– Дюшик, ты чего к человеку пристал?! Ты что, стервец, мне посетителей распугиваешь!? А ну отвязался от честного человека! – прогремел голос Нимфы, вклинившийся в тираду человека с блокнотом. И хозяйка со скалкой в руке направилась к ним.

Человечек немного жалобно и одновременно просительно глянул в сторону герцога, так обычно смотрят люди, которым вы задолжали денег и забыли вернуть, а они в силу своей деликатности стесняются напомнить вам о долге. Повернулся и шустро исчез из поля зрения, растворившись с такой скоростью, как будто его секунду назад и вовсе не было в трактире. Хорвард озадаченно глянул, почесал за ухом и направился к стойке заказывать пиво.

– Кто это был? – спросил он, удобно устроившись за стойкой, ослабил перевязь меча и начал слизывать прохладную пену с бокала, поданного ему хозяйкой трактира.

– Да ходят тут всякие, ничего не заказывают и мешают приличным людям спокойно похавать. Гоняю их гоняю, а они всё равно лезут обратно... Ох, простите, сударь, наверное, моя грубая болтовня вас раздражает, – принялась извиняться тролльша, покраснев от смущения.

– Мадам, – обратился к ней, сразу вспомнивший манеры настоящего рыцаря и джентльмена, Хорвард. – Ваши речи для меня, как глоток свежей родниковой воды в пустыне. Я просто горю желанием услышать продолжение вашего повествования. Я буду ужасно расстроен, если...

На этой фразе поток его красноречия иссяк, и он заткнулся, решив прерваться, чтобы сделать приличный глоток пива для следующего витка вдохновения.

– Ах, сударь, как только вы вошли в мой трактир, я сразу поняла, что вы человек благородного происхождения, начитанный и хороших манер, – умилилась тролльша. – И не смогла терпеть присутствия возле вас этого бумагомарателя.

– И всё же, кто он такой? – снова полюбопытствовал Хорвард, прихлебывая пиво, а в уме прикидывая, если он сделает тролльше ещё пару комплиментов, нальёт ли она ему следующую кружку бесплатно.

– Дюшик Вертлявый – представитель партии защитников контактов с параллельными мирами. Постоянно вертится вокруг да около, всё что-то вынюхивает. Занимается тем, что дурит людей, этому их партию в одном параллельном мире научили. – Заметив, искренне заинтересованный взгляд посетителя, тролльша продолжила. – Суть в следующем. Сначала Дюшик намечает жертву, человека приличного, с деньгами, и достаточно неискушенного в политике. После нагло пристаёт к жертве, предлагая бесплатно заполнить анкету. И там есть пункт о межзвездных контактах. Если человек высказывается в пользу контактов с параллельными мирами, дарит наивному календарик. Попутно рассыпается в том, какой мудрый, прогрессивный и интеллектуальный попался ему собеседник, который понимает необходимость и важность строительства Инновационных Межзвёздных Врат и налаживания прямых контактов с параллельными мирами. Далее жертве предлагается вступить в их партию, а в подарок дарится ещё один календарик.

– А в чём же здесь надувательство? – удивился Хорвард.

– В том, что затем незадачливому путнику предлагается пожертвовать хоть сколько-нибудь денег на строительство Инновационных Межзвёздных Врат с параллельными мирами вместо старых Магических. А на свои Врата хитрые представители партии защитников деньги собирают уже лет пятнадцать, нисколько не продвинувшись в их строительстве.

– Как же они объясняют то, что до сих пор их не построили?

– Очень просто, сударь, то какой-то геомагнитный фон у земли не тот, то аура какая-то у них неблагоприятная, что строить на данном этапе никак нельзя, а то шандец всем придет без предупреждения. А король троллей Рыжий, говорят, услышав одного их представителя,

поначалу так испугался, что отвалил тому полмешка золота, чтобы только не вздумали строить свои Врата. Так говорят, что того шустрого партийного работника начальство партии до сих пор найти не может. Сначала тот отправился на какие-то Канары, не знаю уж, где такая деревня, а...

– Кончай, парню мозги пудрить, лучше налей своего потрясающего пива уставшему и запылённому путнику, отбившему всю задницу о ту гнусную скотину, с противным характером, что продал мне один цыган, за место скакуна благородного происхождения. – Весело крикнул, подходя к стойке, рослый светловолосый парень в плаще, подмигнув Хорварду. – И этому, – кивнув в сторону герцога, присовокупил он.

– Светозар, младший сын одного мелкопоместного дворянина, мнившего себя большим, – широко улыбнувшись, представился верзила.

– Хорвард, – ответил герцог.

Светозар оказался компанейским парнем с весёлым нравом. И они здорово провели время в трактире, похваляясь друг перед другом своими подвигами, ажиотажно вопя на весь зал и стуча кружками по столу. Так что хозяйка трактира, не выдержав, пригрозила обоим новоиспечённых друзей вышвырнуть на улицу.

Утомившись, Хорвард и Светозар расстались, договорившись увидеться вновь.

3

– Великая Фея Эвредика, моя скромная особа была удостоена чести огласить вам Решение аудиторской комиссии, заседавшей в Рейсгарде без сна и отдыха, как вы уже слышали пять недель, проделавшей огромнейшую работу по анализу вашего правления и состояния дел на данный момент. За что, я считаю, всех советников следует удостоить награды в виде ордена, я сам придумал ему название – «Ударник Труда» и присовокупить скромное вознаграждение в виде трёх мешков золота мне лично за героический труд и для поддержания пламени патриотизма в моей душе. Свою идею с орденом я уже запатентовал, так что авторские права принадлежат только моей скромной особе, – заливался соловьем Верховный советник Правительства Гвилберда на крыльях вдохновения.

– А карету золотом тебе тоже выложить? – недобро прищурилась Фея.

– Э, нет, можно и без кареты. Хватить и тех мешков золота, которые не могли бы вы приказать выдать мне немедленно, – подхалимски осклабился советник.

– Занудисик, – ласково обратилась к советнику Фея, – а у тебя часом головка не болит? Может, напекло ненароком по дороге. Ты бы шёл, отдохнул немного. А то тебе, похоже, очень вредно сильно напрягать мозги, всякие странные мысли в голову лезут. Ты часом ещё, как сторонники внеземных контактов с иными мирами, НЛО не видишь? А то сразу премию в двойном размере прикажу выписать.

Занудис побагровел и, уставившись злым взглядом на Эвредика, возвестил:

– Не хотите признавать мои заслуги, тем хуже для вас. Иного от тысячелетнего существования, давно утратившего связь с миром людей, я и не ожидал. Где вам понять талантливую и одарённого человека, принесшего свою жизнь в жертву на алтарь служения ради процветания государства. Вы давно стали анахронизмом минувшей эпохи, реликтом прошедших дней...

Дальше Эвредика уже ничего не слышала. Побледнев от гнева, она вскочила и, чуть не грохнувшись на ступеньках при спуске с трона, которые давно следовало отремонтировать, бросилась на Занудиса, решив его хорошенько придушить, наплевав на все светские манеры и этикет.

– Я посланник! Их и пальцем нельзя трогать! – перепугавшись не на шутку, отчаянно завопил Занудис, бросаясь в сторону и прячась за колонной.

– Пальцем! Да ты просто плохо историю учил, Занудик, – задыхаясь от холодного бешенства, прошипела Фея, крадясь вдоль колонны. – Например, предыдущий правитель Гвилберда Великий Воитель, мой отец, которого все по учебникам знают как бесстрашного рыцаря, объединившего Гвилберд, за дурные вести посланникам – головы рубил, а иногда для разнообразия на колы сажал. Может, возродить эту славную, древнюю традицию? А то ты, говорят, читая лекции студентам в Институте Археологии, всё переживал, что теперь молодежь не та, что раньше. Кровь жиже. Нынешние короли нечета предыдущим.

– Варварство! – взвизгнул Занудис, потихоньку пятясь задом к выходу. В уме прикидывая: огласить Фее решение Совета сейчас или не злить её ещё больше, а дожидаться более благоприятного момента, так как в данный момент это грозило получить непредвиденные последствия в виде избиения его ногами без компенсации морального ущерба в дальнейшем.

– Так в чем же там состоит решение Совета? – спросила Эвредика, немного успокоившись и решив отложить идею удушения противного советника на потом, так как если удавить его сейчас, то чего там нарешали в совете она узнает не раньше, чем пребудет следующий посол, и кто сказал, что он будет приятнее Верховного советника.

Уловив миролюбивые нотки в голосе Феи, Занудис с опаской выглянул из-за колонны и, поняв по лицу принцессы, что его на данный момент передумали убивать, душить, четвертовать, то есть учинять над ним какое-либо в этом духе насилие, моментально поправил тунику, приосанился и вылез из своего укрытия.

– По Решению Верховного Совета Правительства вам надлежит явиться в течение трёх дней в столицу Гвилберда Рейсгард, в зал заседаний к Председателю Правительства Заумнису III для заслушивания приговора по вашему делу. То есть если выедете сейчас, то вполне сможете успеть, – быстро изрёк он.

– И это всё?! – спросила, удивлённо выгнув бровь, Эвредика.

– Да. – коротко отозвался советник. На самом деле он знал решение совета и должен был его сообщить Фее. Но после всего произошедшего за последние полчаса, он передумал делать это сам, что он, самоубийца что ли? Заумнис кашу заварил, вот пусть ее и расхлёбывает, он пас. А тот, кто захочет обвинить его в трусости, пусть только попробует, посмотрел бы он на этих храбрецов, если бы им Фея, метая молнии из глаз, вцепилась в глотку. Гм, про молнии он тут немного загнул, да ладно. Все равно шипящие и бросающиеся на вас Феи – это зрелище не для слабонервных.

Возвращаясь в свои покои, Верховный советник уже чувствовал себя почти победителем драконов.

4

У Маргелиуса свело судорогой пальцы на правой ноге. Он дернулся и моментально зашипел от боли, треснувшись головой о крышку гроба. Тихо выругавшись сквозь зубы и потирая лоб, он попытался устроиться поудобнее. Если, конечно, можно примоститься удобно на жестком ледяном камне, да к тому же почти голышом. Господа маги ни о каком минимальном удобстве, не говоря уж о комфорте для своего поверженного врага, совсем не подумали.

– Жмоты! Жадины! Я же так себе ревматизм заработаю. Чтоб вас всех жаба задушила, – рассерженно ругался злосчастный узник. – Ну, дайте мне только выбраться отсюда.

От нечего делать он начал припоминать всех своих многочисленных врагов и каждому желать много-много самых разнообразных неприятностей и козней. Но как долго ни длилось это увлекательное занятие, враги, недруги и просто противные герцогу люди, в конце концов, закончились. Да и память подводила что-то.

В воспоминаниях попадались весьма раздражающие герцога белые пятна. Припомнить более отчётливо многие события не удавалось. Как ни напрягал он память. В целом картину

событий, предшествующих его пленению, еще помнил, а вот многие детали были как бы сокрыты пеленой тумана, пробиться через которую никак не удавалось. От усиленных попыток вспомнить события более отчётливо начинало ломить голову. И перед глазами появлялись противные круги всех цветов радуги, которые плавали перед глазами герцога, выписывая весёленькие па, что поначалу доводило хозяина замка до неконтролируемых вспышек ярости.

Некоторое время спустя, немного поостыв и успокоившись, Маргелиус подумал и бросил мысленно пережевывать события давно минувших дней, переливая из пустого в порожнее. Толку-то. Жизнь на такой ерунде не заканчивается, бывало и похуже.

Правда, когда это могло быть ещё гаже, чем сейчас, он вспомнить никак не мог. Возможно, тогда, когда он однажды налил в стельку какого-то незнакомого пойла в одном из трактиров города, где был проездом, и пара предприимчивых юных гоблинов воспользовалась этим. Они, видя неменяемое состояние могущественного мага, сначала ограбили, а затем, весело хохоча, дотащили его до рва, куда сливались все нечистоты города, и, распевая веселые частушки про незадачливых путников, столкнули в вонючие канализационные воды. После Маргелиус, свирепо скрипя зубами и кровожадно ухмыляясь, нашел тех весельчаков и сам повеселился на славу, гоня их несколько часов подряд в солнцепёк по городу, чтобы научились уважительно относиться к путешественникам. Сей метод оказался очень эффективным, парни не только приобрели первоклассные манеры, как если бы окончили институт для благородных девиц, но и с тех пор на протяжении ряда лет всегда выигрывали соревнования по бегу, завоевав целую кучу золотых медалей и удивляя матерых спортсменов выносливостью и скоростью.

Министр образования того города, прослышав о данном происшествии и восхитившись новым действенным методом в воспитании у молодёжи чувства прекрасного и изящного, наградил Маргелиуса Кубком Почётного Гражданина города. А спортклуб «Юный Витязь» предложил стать ведущим тренером, от чего герцог Маргелиус Альгвардский, придя в спортзал и увидев перепуганные физиономии парней, тренирующихся в клубе, благородно отказался. За что в благодарность юные витязи данного клуба бесплатно насобирали харчей герцогу в дорогу и погрузили его пожитки на самую быструю лошадь, которую, скинувшись всей ватагой, подарили Маргелиусу, чтобы быстрее убирался из города, пока не передумал. Почётным эскортом проводили воинственного герцога до ворот, внимательно проследив за тем, чтобы у него не было предлога вернуться. И долго махали ему на прощание руками и, неискренними голосами, предлагая заезжать ещё.

Попытки наладить мысленный контакт с трубадуром тоже ничего не дали. То ли магнитные бури мешали, которые участились в последние дни, то ли слишком большое расстояние, но возобновить связь с парнем через астрал не удавалось. И маг на время отбросил эту мысль, решив не тратить попусту время и силы. Контакты на большие расстояния выматывали очень сильно, но самым главным побочным и очень неприятным эффектом было то, что они вызывали жажду и волчий аппетит, утолить которые Маргелиус никак не мог, в силу отсутствия еды и питья. Он был Бессмертным, но это не значило, что он не может умереть от истощения, восстанавливать силы требовалось даже Бессмертным.

Чтобы хоть чем-то заняться и не подохнуть от скуки, он выпустил мысленные щупы и несколько дней подряд обследовал окрестности, выискивая хотя бы пауков или других каких-нибудь тварей в пределах замка, раз крупных животных в округе не водилось. Наткнувшись на многочисленные норки мышей в замке, которых, похоже, общество мага не смущало, он занялся исследованием их норок. Через пару недель он досконально изучил все повадки и привычки серых зверьков, начал отличать их друг от друга и присваивать им имена. Затем пришла очередь изучения жизни различных насекомых, букашек и местных лягушек.

Когда же его уже начало просто тошнить от всех этих исследований, маг решил бросить это занятие, пока окончательно не повредился в уме, подсчитывая, сколько мух сегодня пой-

мал какой-нибудь жабёныш. Где-то на краю сознания у него забрезжил проблеск идеи, как освободиться из плена.

Он радостно ухмыльнулся и принялся за дело. О трубадуре он, увлечшись идеей, не вспоминал.

Глава 5

Случай попинать королевских особ, да ещё и за дело, выпадет не каждый день

1

– Слушай, а мы сегодня жрать будем? У меня уже от голода все кишки свело, – жалобно заныл Ясень, ёрзая на плече трубадура. Они шли уже не первую неделю, и собранные заботливыми родичами насмешника съестные припасы очень давно закончились благодаря прожорливости Ясеня. Трубадур был самым ужасным охотником, которого насмешник видел в своей жизни, из-за чего они оба больше питались добытыми Ясенем грибами, ягодами и кореньями, которые не слишком утоляли голод.

– Если бы кое-кто, когда мы пришли в деревню на Лысой горе, не обозлил местных жителей, оскорбляя всякими гадкими репликами и смачно комментируя их недостатки, то у нас уже были бы ночлег и еда. А вместо этого нам пришлось спасаться бегством, пока жители деревни не сделали из нас отбивную, – высказался Пройдоха, у которого тоже нещадно бурчало в желудке, и он уже начал прокручивать в уме самые разнообразные способы избавления от новоприобретенного спутника. – К тому же, вынужден признать, что пока мы улепётывали из деревни во весь дух, то заблудились. Я не имею представления, где мы теперь находимся.

– Извини, – прошептал незадачливый сын короля. – Я не знал, что они юмора не понимают.

– Юмор?! – вскипел Пройдоха, свирепым взглядом уставившись в невинные глаза Ясеня, чистые, как капли росы на рассвете.

– Тихо. Там кто-то есть, – испуганно пискнул Ясень, ткнув лапкой в направлении кустов впереди.

Трубадур замер, напрягая зрение в попытке рассмотреть, кого учуял насмешник в высоких зарослях. Вытащил кинжал из ножен и бесшумно двинулся к кустам.

– С ума сошел? – шёпотом взвыл тоненьким голоском Ясень, вытаращив глаза. – Поворачивай назад, дубина, пока он нас не заметил.

Пройдоха остановился, внимательно глянул на перепуганного Ясеня, поняв, что тот не прикидывается, а на самом деле буквально посерел от ужаса, больно вцепившись коготками ему в плечо, мысленно чертыхнулся и стал осторожно пятиться назад. Но было поздно. Своей перепалкой они привлекли внимание того, кто притаился в кустах и, похоже, задремал. В следующий миг оттуда показалась здоровенная голова дракона. Пройдоха охнул и уронил кинжал на землю.

Дракон упёрся мордой в лицо трубадура и злобным изучающим взглядом уставился на нарушителей его спокойствия, оглядел костлявую фигуру Пройдохи, залатанные штаны, зачем-то понюхал гитару. Широко разинул пасть и...

– Тьфу! – фыркнув, смачно сплюнул под ноги певцу, затем виртуозно выругался.

Пройдоха стоял, боясь пошевелить даже пальцем. Он не понимал необычного поведения огромной рептилии. По всем правилам дракон уже должен был сожрать путников.

– Ну, чего уставился?! – рявкнул дракон. – Пошёл вон! Я несварение желудка зарабатывать себе не собираюсь. Ходят тут всякие, охоту портят, всю живность мне распугали, теперь жди, пока кто появится, – продолжая рассерженно бурчать, выпуская дым из ноздрей, дракон уполз обратно в кусты.

– Это мы-то несъедобные? – взвился Ясень. – На себя посмотри, ящерица облезлая, обрзина занудная!

Дракон, злобно зашипев, выскочил из кустов, проявив недюжинную прыть при всей многотонности своей туши, и сбил трубадура с ног, придавив лапой.

– Все, доходяга, подавлюсь, а съем! – грозно зарычал дракон, обдавая лицо музыканта струями горячего дыма.

– Обалдел? Он-то причём? – произнес Ясень, выползая из кустов, куда свалился при нападении дракона.

– Ты?! Это ты на меня наехал? – изумлённо уставившись на насмешника, спросил дракон. Затем убрал лапу с трубадура, грохнулся на землю и заржал так, что с ближайших деревьев посыпались листья. А певчие птицы, с осуждением глянув на дракона, поспешили перелететь на другое дерево.

– Ой, не могу! Очуметь. Блин, парни, вы вообще кто? Таких чудиков, как вы, мне давно не попадалось, – ржал дракон, совсем невежливо тыкая лапой в Ясеня.

– Хорош граблями махать. Зашибёшь же, – возмутился насмешник, уворачиваясь от лап, трясущегося в припадке от смеха дракона.

– Послушайте, сударь дракон, раз жрать вы нас передумали, то не могли бы вы подсказать заблудившимся путникам, как нам дойти до тракта? – спросил, обращаясь к дракону, Весёлый Пройдоха, поднимаясь с земли и отряхивая одежду. Затем подобрал кинжал, который валялся рядом и вложил в ножны.

– Наглости вам не занимать, ребята, – весело хмыкнул дракон. – Ну, да ладно, настроение у меня сегодня сытое, так что, так и быть, пошли – провожу.

Дракон повернулся и первым направился в сторону леса. Переглянувшись с Ясенем, трубадур пожал плечами и пошёл вслед за необычным проводником. Дракон оказался превосходным следопытом, и они быстро продвигались по лесу, легко обходя непроходимые чащобы.

– Я – трубадур Весёлый Пройдоха, а мой мелкий спутник – это сын короля насмешников Ясень. – Представил себя и Ясеня трубадур.

– Трубадур – это стихоплёт что ли? Хотя пофигу кто ты, был бы человек хороший. А меня зовут Огнедышащий Дракон, будем знакомы, – вежливо отозвался дракон.

– А что драконы бывают какими-нибудь другими. Твои предки явно оригинальностью не отличались, и так понятно, что ты дракон, притом огнедышащий, – принялся ёрничать Ясень.

Ласково глянув на насмешника, Огнедышащий Дракон наклонился к уху Пройдохи и ещё более миролюбиво спросил, поблёскивая глазами в сторону Ясеня:

– Ты не будешь возражать, если я отвешу парочку подзатыльников твоему больно разговорчивому спутнику?

– Нет, – ухмыльнулся Пройдоха. – Я и сам не прочь. Буду вторым в очереди за тобой. Попинать королевских особ, да ещё за дело, случай выпадает не каждый день.

– Да ладно, ладно вам, уже заткнулся, – обиженно протянул Ясень, глядя с опаской на трубадура с драконом и, на всякий случай, отходя подальше. – Извиняюсь, если обидел кого ненароком, не хотел. В качестве возмещения морального ущерба могу веточек для костра собирать, если, конечно, мы всё-таки собираемся сегодня хоть чего-то пожрать. От голода у меня уже желудок ссохся.

– Жрать? Хорошая мысль, – рыкнул дракон. – Пока твой маленький зелёный друг собирает хворост, если траву жрёте, могу нарвать вам вон тех вкусных плодов, что мне отсюда видны, – сказал дракон, немедленно приступив к действию. Подошёл к одному из высоких деревьев и несколькими ударами своих когтистых лап посшибал плоды с его вершины.

Трубадур, ловко увернувшись, поймал плоды, оказавшиеся крупными апельсинами.

– А это вам жаркое, парни, – присовокупил дракон, снайперски дыхнув пламенем из одной ноздри на парочку пролетающих мимо жирных птичек. Через несколько секунд пара подгоревших рябчиков рухнула к ногам трубадура.

– Слушай! Тебе только шеф-поваром быть! – восхищался драконовыми организаторскими способностями в плане еды трубадур, когда полчаса спустя они ужинали добытым драконом провиантом. – С тобой не пропадёшь. У тебя вообще какие-нибудь срочные дела есть? А то пошли с нами.

При этих словах Ясень начал усиленно пинать лапками Весёлого Пройдоху в бок. На что музыкант не обратил ни малейшего внимания, сыто икнул и блаженно растянулся на земле, положив руки за голову.

Дракон задумчиво посмотрел на трубадура и покачал головой:

– Вам же к людям. А мне к ним никак нельзя, они меня что-то недолюбливают с некоторых пор и, скорее всего, откроют сафари.

– Почему? Ведь драконы теперь большая редкость, они занесены в Зелёную книгу, не то, что насмешники. И убивать драконов можно только в порядке самозащиты, если толщины кишки хватит, конечно, – удивился Ясень, обглодав последнюю косточку, и аккуратно вытер жирные лапки о штанину Пройдохи. Тот вяло ругнулся и попытался отпихнуть от себя наглеца.

– Точно, Ясень прав, – подтвердил трубадур, с хрустом потянувшись.

– Это другие все драконы занесены в Зелёную книгу, а я исключение. Насчёт меня там даже отдельный пункт есть, который разрешает охотиться на меня в любое время года, – тяжело вздохнул дракон. – Если хотите, могу поведать вам эту грустную историю.

– Валяй, – разрешил Ясень.

2

Компания гоблинов неторопливо продвигалась на север через лес. Они заходили в попадающиеся по пути городки и деревеньки, где благодаря братьям Твердолобам быстро разжигались съестным. У Тугодума и Тугомысла оказался настоящий талант – выигрывать в карты. Придя в какое-нибудь селение, братья сразу направлялись в местное игорное заведение, где придавались своей страсти. Там благодаря умению виртуозно блефовать и жульничать они умудрялись обыгрывать в карты заядлых игроков и шулеров, приводя последних в немалое негодование: дилетантам не положено обыгрывать профессионалов. Это вульгарное нарушение правил игорного кодекса. Больше книг на сайте knigochei.net Но, взглянув на чересчур внимательные физиономии братьев-богатырей, дружелюбно поглядывающих на них исподлобья, непонятно от чего всё красноречие у господ-шулеров пропадало, а все возражения застревали в глотках. И, скрипя сердцем, проигравшиеся в пух и прах мастера игорного бизнеса предпочитали платить, расставаясь с содержимым своих поясов и карманов.

На прощание братья показывали ребятишкам различные фокусы при помощи карт, чем приводили тех в немалый восторг и восхищение. А их мамы и папы, в благодарность за бесплатные развлечения для своих чад подкидывали братьям и их спутникам харчей в дорогу.

Гоблины дошли до Белой реки и задумались, как переправиться на другой берег. Так как ничего умного в голову не лезло, Нэдфилд решил, что следует разбить лагерь и ждать, пока какая путная мысль кому придёт в голову.

Проныра, выслушав предложение Нэдфилда, пожал плечами и занялся обустройством на ночлег. Твердолобы, недолго думая, засели за своё любимое занятие – игру в карты, с переменным успехом выигрывая друг у друга орехи. Попутно обсуждали, что следовало бы больше тренироваться в игры в шахматы и шашки, так как севернее играют больше в интеллектуальные игры. Старую деревянную доску, немного поеденную червями-древоточиями, с потертыми мраморными фигурками они обменяли на часть кувшинов в одном из городков, о

чём поскромничали уведомить своих спутников, опасаясь их гнева. В целом же, братья были вполне довольны жизнью и о цели своего путешествия почти не вспоминали.

Лысый тролль Овгард направился к реке, искупался в прохладной воде и задумался. Он уже жалел, что опрометчиво дал гоблинам уговорить себя идти в это глупое кругосветное путешествие. Ничего привлекательного и романтического в нём он уже не находил. Забираться дальше на Север ему совсем не хотелось, лысая башка в отличие от голов его более волосатых спутников уши от ночного холода не защищала. Притом в последней деревеньке Забавново ему приглянулась одна симпатичная тролльша, и он был не прочь познакомиться с ней поближе.

– Слушай, мужики, вам не кажется, что становится холоднее, – зудел Овгард, ёжась от холода на следующее утро. Он твёрдо решил, что поворачивает обратно, несмотря на принятое Пронырой решение строить плот.

– Да нет, – буркнул Проныра, который искренне недоумевал, чего так разнервничался Овгард. – Присоединяйся строить плот. Идти вниз по реке в надежде найти брод, как сначала предлагал Нэд, – не самая лучшая затея. Я с ним и стройматериал уже присмотрел.

– Я возвращаюсь! – на одном дыхании, набравшись храбрости, выпалил Овгард, с вызовом глядя прямо в глаза Проныре.

– Почему? – спросил Нэдфилд, который стоял возле Проныры и лениво ковырялся в носу. Он внимательно следил за трудовым процессом братьев Твердолобых, которых, не теряя времени, уже запряг обтёсывать ветки под плот.

– Потому, что я хочу жениться на Розе, а пока я тут с вами шляюсь, она выйдет за кого-нибудь другого, кого не надо ждать, – ответил Овгард, от волнения выдёргивая последние волоски на своей и без того лысой голове.

– Какая ещё Роза? У тебя же нет невесты, – рассеянно отозвался пузатый гоблин, прикидывая в уме, успеют ли они построить плот до вечера, если перестать трепаться, а заняться исключительно делом.

– А это наш шустрый Овгардик в деревне Забавново времени не терял. И вместо того, чтобы заниматься добычей пропитания, как остальные члены отряда, торчал в баре и строил глазки одной смазливой официанточке, – словоохотливо пояснил Проныра, который лихорадочно пытался придумать, как отговорить Овгарда.

– Дела, – почесав затылок, изрёк Нэдфилд.

– Послушай, Овг, у тебя много бабок есть? – спросил Проныра. В его мозгу возникла мысль, как уговорить тролля остаться. Заметив немного озадаченный взгляд Овгарда, гоблин продолжил:

– Гм, может тогда у тебя есть приличная ферма, приносящая стабильный доход или на худой конец ты любимый племянник богатой престарелой тетушки? – продолжал любопытствовать Проныра, внимательно глядя на тролля.

– Нет, – задумчиво протянул Овгард, не понимая, куда клонит гоблин.

Нэдфилд, бросив ковыряться в носу, сочувствующим взглядом посмотрел на тролля и весело хмыкнул, поняв, куда гнёт Проныра.

– Ну, если у тебя ни шиша нет, и ты не красавец, то скажи, с какой стати тролльша пойдёт за тебя замуж? – поинтересовался, с превосходством глядя на Овгарда, Проныра.

– Что же мне тогда делать? – искренне расстроился Овгард, в тролльшу он влюбился с первого взгляда и теперь не мыслил существования без нее. Гоблин своими жестокими словами поразил его в самое сердце, разбив надежды.

– Не горюй. Я знаю, как тебе добиться расположения неприступной красавицы тролльши, – утешил тролля, лукаво блестя глазами, Проныра.

– Как? – с надеждой спросил Овгард.

– Как-как, разбогатеть, простофиля, пока мы идём вокруг света, – просветил недогадливого тролля хитрый гоблин.

– Точно! – Радостно вскричал Овгارد, окрылённый таким простым решением проблемы. – Строим плот! – резво развернувшись, он бросился со всех ног помогать братьям Твердолобам.

3

– Мой род берёт начало из долины Гор тогда, когда ещё человек был легендой, – старательно прочистив горло, начал свой рассказ Огнедышащий Дракон. – Драконы были великим кланом, сильным и свободным. Мы вели вольную жизнь, парили над реками и равнинами. Драконы были одними из самых могучих и красивых существ на земле. Нам принадлежал весь мир. Мы любили независимость и стремительный полёт. Это была эра правления Драконов, их славы на земле. С расой Воителей мы жили в мире очень долго, те тоже предпочитали отшельничество, но если мы селились больше на Севере, то те предпочитали климат потеплее и выбирали центральные и южные районы материка. Между нашими расами царил хрупкое равновесие много тысячелетий.

На этих словах дракон вздохнул, с болью в глазах посмотрел на своих слушателей и, сверкнув взглядом, яростно произнес:

– А теперь представьте себе то время, когда появились люди, тролли, гоблины, гномы и эльфы. Эти маленькие разношерстные жалкие существа обладали воинственным характером. Но нет! Сначала могучая раса драконов вас всерьёз не приняла. Что для нас, драконов, самых мудрых существ на земле, значили жалкие людишки и нелюдишки с их крошечными амбициями. Вы были для нас не больше, чем какие-нибудь букашки. Но очень скоро мы убедились, что вы очень противные и злобные букашки. Вы начали мешать нам, нагло поселяясь на наших землях, а плодились, несмотря на короткий срок жизни, с невероятной быстротой. Но даже тогда, когда возникли первые случаи нападения людей и троллей на драконов, мы были настолько самоуверенными и глупыми в своём тщеславии, что не встревожились. Мы недооценили вас и жестоко за это поплатились. Когда драконы решили вступить в битву, было слишком поздно, почти все были мертвы. Мы не сумели вовремя понять надвигающуюся опасность, да и кто мог себе представить, что наш мир завоюют какие-то люди. Драконы любили простор и селились чаще поодиночке, редко бывая друг у друга в гостях, чем и воспользовались люди. Наша любовь к свободе стала нашей гибелью. Люди перебили нас по одному, и некому было оплакать наши могилы, – грустно произнес дракон. – Мы вынуждены были уйти дальше в леса и горы, спасаясь от человеческой ненависти, так как люди боялись нас и убивали. В это воинственное время между драконами, людьми, троллями и прочими новыми существами мира Воителей и родился я. Тогда земля дрожала от битв и магии. Так я рос, впитывая сказания о духе свободы, мощи и былой славе века драконов. Я был юн и глуп. Когда я жил в пещере в горах, уже отселившись от своей матушки с бабушкой, ко мне приходили рыцари, но только для того, чтобы вызвать на поединок во славу какой-нибудь толстощёкой принцессы, не умеющей даже читать. Я не смог убедить их в своих мирных намерениях, они приходили сражаться, и я убивал всех тех несчастных влюблённых дураков и идиотов желающих прославиться, желая освободить мир от этой заразы.

– У тебя не было выбора! – вскричал трубадур, – ты не несёшь за это ответственности. Это была самооборона. Очень давно люди поняли своё заблуждение и жестокость. Уже много веков на драконов запрещено охотиться, тем более убивать.

– Я не закончил, – тихо, но твёрдо прервал поток красноречия Пройдохи Огнедышащий Дракон. – Это еще не всё. Много веков я прятался от людей в лесу, как жалкая гиена, не зная покоя. Я умирал от безысходности и горя, поняв, что мне нет места в этом новом мире, в котором родился. Тогда я встретил его. Это был один из Бессмертных. Он не боялся меня и говорил со мной как дракон с драконом, он возродил во мне веру в себя, вернул уверенность.

Предложил пойти с ним. Я был молодым и глупым, я жаждал отомстить людям и нелюдям за все унижения, которым они меня подвергли, желал им смерти, горел жаждой отмщения и желанием вернуть землю драконам. Я не понимал, что нельзя вернуть время. Я согласился. Я объединил с ним разум и кровь. Он стал моим другом и хозяином. Свободный и гордый герцог, не покорившийся никому, правитель Страны Гор и Северного ветра, Маргелиус Альгвардский.

– Что? Маргелиус был твоим хозяином?... И ты служил гаду добровольно? – неприязненно спросил музыкант, не справившись с нахлынувшими на него чувствами.

– Подожди, – произнёс, бледнея, Ясень. – Если Маргелиус твой хозяин, то у него, как я учил на уроках истории, если это не враки, был только один дракон-рenegат, согласившийся ему помогать, прозванный Лютым. Но тогда ты...

– Угу, – понуро кивнул дракон, – это я и есть.

– Ты нас до сих пор ненавидишь? – тихо спросил трубадур, с отвращением глядя в глаза дракона.

– Мамочки, – взвизгнул Ясень, трясаясь от страха. – Кончай рассусоливать, уносим ноги, стихоплёт!

– Нет, конечно, нет. Это была ошибка, – с горечью произнес дракон, – Я же объяснил. Ужасная роковая ошибка! Уходите! Убирайтесь! Всё равно не поймёте. Но теперь-то поняли, почему мне не видать Зелёной книги как своих ушей? Можете открыть на меня сезон охоты.

Дракон устало поднялся и, тяжело ступая, направился в лес. Подальше от людей, от этого нового и такого чужого ему мира людей.

– Стой! – крикнул Пройдоха, сгорая от стыда. Не известно отчего ему стало до боли стыдно, кто дал ему право судить дракона, и как бы он сам повел себя, окажись в его ситуации. – Тьфу, да подожди же! – трубадур бросился за драконом и ухватил его за кончик хвоста.

– Офигел?! – обалдело спросил дракон.

– Нет, это он всего лишь месяц назад хорошенько башкой приложился о землю в гостях у короля насмешников. Вот и чудит. Вы можете идти, сударь дракон, своей дорогой, а мы пойдём своей, – выдал тираду Ясень, хватая Пройдоху за штаны и пытаясь оттащить того от дракона. Затем, обращаясь к юноше, тихо прошипел, так чтобы его не мог расслышать дракон:

– Очумел, ты часом не из этих рок-музыкантов долбанутых, которые, когда умные люди делают ноги, наоборот лезут туда, где им обязательно набьют морду.

На данное заявление Пройдоха ничего не ответил, а подошёл к дракону и сказал:

– Прости, твоё заявление было слишком неожиданным. Я тебе верю.

На этих словах насмешник хлопнул себя по лбу и выругался сквозь зубы:

– Да меня, похоже, не в спутники тебе отдали, а в няньки. Какое доверие? Ты взгляни на этого урода, он ведь пахал на монстра и, небось, зверски убивал невинных людей.

– Неправда! – вскричал дракон. – Не было такого!

– Хочешь сказать, что Маргелиус держал тебя просто так, за здорово живешь, чисто для услаждения своего экзотического вкуса? – насмешливо протянул Ясень, показывая козу дракону.

– Для устрашения. В мою задачу входило лишь отпугивать особо назойливых людишек от жилища герцога. Я ненавидел людей, но просто ради развлечения, я никого не обижал. Злил, но не убивал. С врагами Маргелиус сам предпочитал разбираться, в трусости его обвинить никак нельзя было, – на этих словах, дракон потер лоб. – Хотя нет, проклятый склероз, – выругался Лютый. – Теперь припоминаю, что как-то я всё-таки сожрал парочку настырных магов особо сильно досаждавших моему господину.

– Вот! – вскричал, победоносно посмотрев на трубадура, Ясень. – Эта гнусная лживая морда уже признается в людоедстве!

– Ясень, заткнись, пожалуйста, – морщась как от зубной боли, оборвал словоизлияния насмешника Пройдоха. – Драк, присоединяйся к нам.

– Ты серьёзно? – недоверчиво глядя на юношу, спросил дракон, боясь показать свою радость: он так устал от одиночества и уже не чаял обрести друзей.

– Конечно. Ясень тоже рад, только в силу паскудного характера никак не может найти подходящих слов от радости, – подначил трубадур Ясень, который сделал вид, что ничего не услышал.

– Хорошо, я готов. Только много веков назад я дал обещание, освободить одного человека из плена и до сих пор не сдержал слова. Время уже пришло, а я до сих пор никак не решусь. Поможете мне его выполнить, – с мольбой в голосе попросил Лютый своих спутников.

– О чём разговор, запросто, – легко согласился трубадур, отказывать кому-либо в помощи было не в его правилах. – Какую прекрасную принцессу освобождать будем?

– Почему принцессу? Никаким принцессам я обещаний не давал. А освобождать я иду Маргелиуса Альгвардского.

– Что?! Кого мы освобождаем? – огорошено спросил Пройдоха, у него от неожиданности даже голос сел. Насмешник только пальцем у виска покрутил, он уже ничему не удивлялся.

– Много лет назад, когда я служил Маргелиусу, я дал ему обещание: если его пленят, освободить его. Теперь он очнулся от сна, и я должен вызволить его, – хмуро ответил дракон.

– Откуда ты знаешь, что он проснулся? – вклинился в разговор насмешник, в глубине души уже жалея, что в благодарность за спасение согласился на целый год стать спутником музыканта. Он думал, что его ждут приятная прогулка и увлекательные приключения, но такие приключения – это слишком даже для него, а приятной прогулкой что-то и не пахнет.

– Он мысленно связался со мной, позвал на помощь. У меня с герцогом кровная магическая связь, я её не ощущал, так как он был, считай, мёртв, а я – свободен все эти века. Но сейчас я его чувствую. Маргелиус успел сообщить, что заключен в каменном мешке и самостоятельно освободиться не может, – откликнулся Дракон.

– Ты понимаешь... – начал было трубадур, но дракон перебил его.

– Думаешь, я не понимаю, кого должен освободить?! Думаешь, я не мучился, пытаюсь решить идти или не идти, – горячо произнёс Лютый, пытаюсь показать всю глубину сомнений и боли, мучивших его. – Я давал обещание и должен его выполнить.

– Ты же говоришь, что не сдержал его раньше, что же тебе мешает и дальше не сдерживать его? – испытующе спросил насмешник.

– То, что он очнулся несколько недель назад. Когда он спал, это было одно, он не мучился, и я мог оттягивать этот миг до парада чёрных дыр, но теперь он страдает. Слишком жестоко оставлять его похороненным заживо, каким бы он ни был. Он спас мне жизнь, я не могу этого забыть. Как и не имею права бросить его беспомощным. Это бесчеловечно. Я обязан откликнуться на его Зов... – грустно заключил дракон, ковыряя когтями передних лап землю возле себя.

– Он прав, – согласился Пройдоха, – оставлять кого-либо замурованным заживо – это нонсенс. Бросать его там нельзя. Значит, идём в замок мага.

Трубадур согласился, но в глубине души у него царил настоящий хаос, всё было так сложно и запутанно. Как принять верное решение меж двух огней, когда нельзя все оставить, так как есть, а если освободить, то можно сделать ещё хуже.

«Надо, пока идём в замок, срочно что-нибудь придумать», – решил про себя трубадур, шагая за драконом на Север.

– О, моя горькая доля, Богиня Удачи, на что ты покинула меня! – горестно возопил, вздев лапки к небу, Ясень, плетясь вслед за ними. – Теперь моим спутником помимо придурковатого хиппи будет и полоумный дракон-убийца. И в довершении всех бед, я иду вместе с ними освобождать из плена спятившего чародея, которого умные люди давным-давно определили туда, где ему самое место. Определённо с годами род людской окончательно поглупел, предкам такое и не снилось!

– Кончай стенать. И давай. ю шевели лапами, а то и до следующего тысячелетия не дойдём, – прервал горестные вопли насмешника Пройдоха, с насмешкой глянув на Ясеня. Жалующегося на злую долю насмешника ещё никто не видел, обычно, наоборот, те, кому выпадало несчастье столкнуться с ними на одной дороге, проклинали все на свете.

4

– Гляди цветочки, какие красивчатые! – воскликнул Тугомысл, тыча своим толстым волосатым пальцем в направлении островка, мимо которого они проплывали. – Давайте нарвём.

– Это белоснежники, – пояснил Нэдфилд. – Рвать их нет смысла.

– Почему? – любопытствовал Проныра, чеша за ухом шестом.

– Несъедобные! С виду красивые, аромат восхитительный, а на вкус гадость. Так-то, – меланхолично отозвался пузатый гоблин, налегая на шест. В глубине души он искренне сожалел о несъедобности островных цветов.

– А мне для гербария, – заявил Тугомысл, от мысленного усилия наморщив лоб. – Я цветы и не жру!

– Гребём к острову, – поддержал брата Тугодум.

– Нет, не гребём! – возмутился Овгард. – Я с вами не всякие цветочки-лютики отправился собирать, а бабло на свадьбу зарабатывать. И на всякие глупости отвлекаться не намерен, – он возмущенно глянул на братьев, утёр пот со лба и снова принялся грести, тщательно налегая на шест, поднимая вокруг себя капельки сверкающих на солнце брызг.

– Зря, – коротко изрёк Нэдфилд, пожав одним плечом.

– Почему это зря? – не удержался от вопроса лысый тролль, бросая грести, и исподлобья глядя на толстого гоблина.

– Ну, если братья насобирают и засушат этих цветочков, то ты вполне можешь потом преподнести парочку из них в дар своей невесте. Когда она узнает, что, добывая их, ты героически рисковал жизнью на самой коварной и опасной реке, то будет наповал сражена твоей мужественностью. И сразу упадёт в твои жаркие объятия, – глубокомысленно произнес Нэдфилд, подумав: «Блин! Вот это я речь двинул, аж сам тащусь».

Троль задумчиво повертел в руках шест, почесал затылок, затем покрепче обхватил руками шест и... начал яростно грести к острову.

– Эй, Овг! Смотри, пуп не надорви! – весело подначил тролля Проныра, крутя пальцем у виска.

– Кончай ржать! Лучше помогай грести! – ткнул Проныру шестом в бок Нэдфилд, но не сильно, так как поведение влюблённого тролля его самого немало забавляло.

– Да я чё, гребу, гребу, – ответил Проныра, икая от смеха, осторожно отводя от себя шест Нэдфилда и помогая грести товарищам.

Высадившись на острове, гоблины нарвали для гербария братьев и невесты Овгарда белоснежников. Затем насобирали на берегу вкусных жирных улиток, развели костер, зажарили и решили во время еды спокойно обсудить план дальнейших действий.

– Парни, у меня предложение, – серьёзно начал свою речь Проныра, удобно устроившись у костра. – Нам нужно придать своей деятельности официальный статус для того, чтобы заработать много тугриков и не вызвать озлобления у бандитов игорного бизнеса во время своего путешествия.

– Мы ж вроде за дверью шли, – начал было Тугомысл, но, получив тычок под зад от старшего брата, сразу заткнулся и сосредоточил всё своё внимание на выковыривании улитки из раковины.

– А поконкретней? – спросил Овгард, смачно обсасывая раковину с моллюском.

– Я предлагаю нам стать бродячим цирком! – сказал Проныра, обводя горящим взглядом друзей.

– Чем? – переспросил лысый тролль, уронив ракушку с улиткой в костёр и уставившись во все глаза на Проныру. – У тебя все дома?

Братья Твердолобы только озадаченно башками закрутили: то ли надо соглашаться, то ли послать пронырливого гоблина с его предложениями подальше.

– Подождите. Это и в самом деле идея, – оборвал возражения тролля Нэдфилд. – И, похоже, не такая глупая, как кажется на первый взгляд. Надо обмозговать.

Нэдфилд почесал пузо, засунул один палец в нос, что свидетельствовало у него о состоянии глубочайшей задумчивости, и уставился на пламя костра.

– Чего думать? Вы в своём уме? – вскочил на ноги строптивый тролль и свирепым взглядом уставился на гоблинов.

– А чё, прославимся, станем знаменитыми! Ты только представь себе, как тебя все уважать станут, автографы просить. А уж от девушек отбоя не будет, и самый крутой велосипед на деревне будет у тебя. Представь, как нам все парни тогда завидовать станут, – принялся живописать картины радужного будущего Проныра, от предвкушения ожидающей их славы аж бросив ковыряться прутиком в зубах.

– Ага, – задумчиво протянул тролль, – то есть тогда я стану не только богатым, но ещё и знаменитым?

– Точно! – резюмировал Проныра, подняв указательный палец для усиления, произведённого его словами, эффекта.

– Голосую за цирк! – вдохновившись новой идеей, заорал Овгард, принимаясь весело насвистывать.

– Не свисти! – произнёс Нэдфилд, вытащив палец из носа и хмуро уставившись на тролля. И, поймав недоуменный взгляд Овгарда, добавил. – Денег не будет.

– Как это не будет? – вклинился Проныра.

– Очень просто. Высвистит. Фьють! И тю-тю наши денежки, – нравоучительно произнёс пузатый гоблин.

– Как это я могу их высвистеть, если у нас их всё равно нет, – принялся защищаться Овгард, присел на корточки и попытался палочкой вытащить ракушку из костра. Через несколько неудачных попыток его усилия увенчались успехом: он выкатил горячую улитку из костра, схватил её пальцами. Но в следующее мгновение снова уронил её в костер, обжёгшись. Дуя на пальцы, тролль упрямым взглядом уставился на вредную улитку.

– Овг, держи, – сжалившись над товарищем, сказал Тугодум и катнул по земле троллю пару своих ракушек. Жратва из улиток его не особо вдохновила, и, не особо терзаясь, поделился моллюсками с Овгардом.

– Спасибо, Туг, – поблагодарил тролль, взял улиток и принялся ловко выковыривать их из раковин.

Перекусив, гоблины решили заночевать на островке, а с первыми лучами солнца отправиться в путь через реку.

Проснувшись на следующее утро первым, Проныра продрал глаза, обозрел сонное царство, которое представляли собой его друзья. Потянулся и отправился к реке умываться. Вымыв лицо и шею, он сделал утреннюю зарядку, набрал полный кувшин прохладной чистой воды и пошёл будить товарищей.

– Эй, сони, подъём! – принялся расталкивать своих попутчиков Проныра, щедро угощая их пинками. А на Нэдфилда который, несмотря на все тычки, не хотел просыпаться, вылил кувшин холодной воды.

– Очумел? – выпучив глаза, Нэдфилд сел на землю и осоловелым взглядом уставился на Проныру.

– Поднимайся, солнце встало!

– Блин! Я так рано не встаю! – принялся отбиваться толстый гоблин, собираясь снова заснуть. Но его отчаянный бунт был жестоко подавлен, ругаясь на весь белый свет, Нэдфилд продрал глаза и потребовал завтрак.

– Завтрак после зарядки, – рявкнул Проныра, загораживая путь к котелку, из которого уже довольно аппетитно пахло. Там стоял лысый тролль с неприлично довольной миной на лице и, помешивая ложкой в вареве, не забывал пробовать горячий бульон.

– Чего? Я её со школьной скамьи не делаю, – возмутился Нэдфилд.

– Во-во, по тебе видно. Давно пора жир разогнать, – осклабился тролль.

– Это я жирный? Ах ты, вонючий скунс! – взвился Нэдфилд и бросился на Овгарда, сгрёб его в охапку и хорошенько приложил башкой о ближайшее дерево. Тролль не остался в долгу и пнул противника по коленной чашечке. Толстый гоблин запрыгал на одной ноге, но воинственности нисколько не утратил. Пришлось вмешаться Тугодуму и растащить драчунов.

– Ладно, парни, завтракаем. Будем считать вашу потасовку рукопашным боем, который в некотором роде тоже зарядка, – сказал Проныра, взял ложку и направился к котелку.

Вкусный завтрак положил конец раздорам и принес умиротворение в разгорячённые умы. После еды Нэдфилд снова обрел бодрость духа и заявил, что раз они решили организовать цирк, то неплохо было бы придумать ему название. И друзья заспорили.

– В честь меня, – предложил Нэдфилд, гордо выпячивая пузо.

– Почему это в честь тебя? – возмутился Проныра. – Идея-то моя.

– Слышь, мужики, – раздался голос. – назовите свой цирк в честь них, – в следующий миг из кустов вытянулось щупальце и ткнуло в сторону братьев Твердолобых, которые единственные не принимали участия в споре, так как были целиком поглощены игрой в карты.

– Почему в честь них? – возразил Проныра, поглядев на меланхоличные рожи братьев.

– Потому, что они самые умные в вашей шайке, – ответил невидимый собеседник. – Я наблюдаю за вами с момента вашего прибытия на остров, и уже успел сделать определенные выводы. Пока вы тут все постоянно грызётесь, они единственные не принимают в глупых спорах участия. А занимаются общественно полезным делом. Играют в карты, – пояснил обладатель щупальца. – И хорошо играют, я вам скажу! Поверьте мне. Я знаю толк в азартных играх. Думаете, я зря столько времени подглядывал к ним в карты?

– А подглядывать не хорошо, – спокойно ответил Тугодум, треснув картами по щупальцу.

– Да, ладно, – обиженно протянули из кустов.

Затем кусты зашевелились, и из них выползло довольно занятное существо, темно-коричневого цвета, с глазами на стебельках и кучей щупалец.

– Чего рты разинули? Никогда болотного жителя не видели? – вместо приветствия заявило оно, нахально уставившись на ошарашенную компанию.

Глава 6

Дебри философии и гуманизма об этичности быть сожранным поперёд своего прямого начальства

1

В Рейсгард удалось выехать только через неделю из-за урагана, который внезапно разразился в ночь после разговора Феи с Верховным советником. Буря бушевала три дня, дороги размыло. Поездку, из-за ставшего непроходимым тракта в Рейсгард, пришлось отложить.

Эвредика скакала во весь опор в Рейсгард в сопровождении сэра Занудиса, Хорварда и Светозара. Герцог Зеленой Роши увязался вслед за Феей, прихватив с собой приятеля, несмотря на косые взгляды и поджатые губы Верховного советника в их сторону. От почётного эскорта Фея отказалась. Она не взяла бы с собой и Хорварда с его дружкой верзилой, но тот настоял, сказав, что Повелительнице Гвилберда не престоало путешествовать одной, и он сможет скрасить путь Фее сказаниями о своих героических подвигах.

Эвредика, пораскинув мозгами, согласилась. Всё же присутствие болтливого герцога хоть немного разгонит тоску, которую на неё будет нагонять во время поездки присутствие сэра Занудиса.

Они проскакали уже больше половины дороги и при сохранении прежнего темпа должны были прибыть в столицу на следующее утро.

К вечеру похолодало, небо затянуло свинцовыми тучами. Начал моросить мелкий противный дождик. Эвредика зябко поёжилась и поплотнее закуталась в плащ. Пустив лошадь галопом, Фея обогнала своих спутников и задумалась над тем, какую еще очередную гадость для неё затевают в Правительстве советники. В том, что ничего хорошего Фея не сомневалась. Больно уж в последнее время советники обнаглели, а Заумнис прямо-таки рвётся к власти, плетя разные интриги за её спиной. А тут ещё эти сторонники контактов с параллельными мирами снова дали о себе знать, вопят с пеной на губах о строительстве своих Инновационных Врат, будоража народ.

Увлёкшись обдумыванием текущего положения дел, Эвредика перестала пристально следить за трактом, так как этот участок дороги был довольно безопасным, поэтому не смогла вовремя заметить нависшую над ней опасность.

Из зарослей на Фею молниеносно бросился странник – здоровенная северная зверюга длиной восемь футов, покрытая серебристой шерстью с огромными клыками и лапами, на концах которых сверкали острые лезвия когтей. Странник в прыжке скинул Эвредика на землю, а лошадь с испуганным ржанием умчалась. Зверь, нависнув глыбой над Феей, разинул пасть и намерился вцепиться жертве в горло. Эвредика мгновенно сгруппировавшись, покатила по земле, уворачиваясь от клыков разъярённого зверя, мысленно пытаясь сконцентрироваться и проникнуть в разум взбесившегося животного. Но была отброшена ужасной волной ярости: разум странника не поддавался контролю, Фее не удалось проникнуть в него, там бушевала чёрная стихия ненависти, гася любое мысленное воздействие. Эвредика оглянулась в ту сторону, откуда должны были выехать её спутники и поняла, что, пока те доскачут, спасать будет некого.

Она на долю секунды замерла на земле, а затем, рывком вскочив на ноги, уворачиваясь от лап хищника, начала трансформацию. Изменяясь, кожа уплотнилась, став твёрдой как камень, ногти на руках приобрели феноменальную жёсткость и остроту, тело налилось нечеловече-

ской мощью. Обнажив маленькие острые зубы, Фея бросилась на странника. Её движения со стороны выглядели как бы смазанными из-за скорости, с которой она передвигалась. Нанося быстрые и хлесткие удары, ставя блоки на сокрушительную атаку противника, Фея попыталась сконцентрироваться и нанести пси-удар, вырубив странника. За что едва не поплатилась: воспользовавшись секундной заминкой Эвредики, зверь нанёс мощный удар лапой, угодив Фее в плечо, отчего рука моментально онемела, потеряв чувствительность. Но в следующее мгновение Эвредике все же удалось оглушить противника сокрушительным ударом локтя.

Странник пошатнулся, на долю секунды замер, затем последним отчаянным рывком рванулся в безнадёжном порыве сломать Фее шею. Сильным ударом лапы свалил её с ног. Навис огромной тушей. «Конец» – подумала Эвредика. Но, вместо того, чтобы разорвать жертве горло, странник посмотрел каким-то внимательным потусторонним взглядом на Фею и, повернувшись, бесшумно скрылся в лесу.

– Эвредика, держись! – услышала Фея вопли. Это мчались на подмогу её храбрые защитники, оголив мечи, бешено погоняя лошадей. Они перевалили через небольшой хребет, который на время скрывал от их глаз Фею и, увидев схватку, поспешили на помощь.

Эвредика судорожно сглотнула и быстро начала трансформацию в обратном направлении. Её ни в коем случае не должны застать в таком виде. Эта боязнь быть застигнутой в таком обличье, была не менее необычной, чем атака странника.

Нападение странника было необычным уже потому, что эти сильные и достаточно разумные животные обитали в горах и редко спускались на равнины. Они являлись прекрасными охотниками, легко загоняющими дичь, но на людей не нападали, находя их недостаточно съедобными. Если человек сам не начинал охоту за странником, то зверь почти никогда не нападал. Но если по какой-либо причине зверь открывал охоту на человека, то дело он доводил до конца. Избавиться от преследования странника можно было, только убив его. И то, что он набросился на Эвредика и затем ушел, оставив её в живых, не вписывалось в обычное положение дел.

Эвредика была Бессмертной, но это не означало, что её нельзя убить. Бессмертные – это одна из древнейших вымирающих рас мира Воителей. Она брала своё начало еще на заре человечества. От браков людей и ныне вымершей расы Воителей, когда в очень редких случаях рождались дети, внешне похожие на людей, но обладавшие многими природными качествами Воителей. Потомство двух этих рас и получило название Бессмертные. Они жили очень долго, по несколько тысячелетий, если от долгого существования не сходили с ума. Почти не старели, болели очень редко, обладая превосходным иммунитетом ко всем болезням, выживали при таких ранениях, от которых обычный человек умирал. Могли очень долго обходиться без еды и питья, переключая свое тело в экстренный режим, погружаясь в анабиоз, в котором они могли находиться столетиями. Бессмертные были физически сильными и обладали ярко выраженными способностями к магии. Но неуязвимыми они не были, если любому из них отрубить голову или, например, сжечь, или каким-то другим образом нанести раны, несовместимые с жизнью, то потомок расы людей и Воителей умирал. Раса Фей происходила ещё от более смешанных браков между Воителями, людьми и эльфами, от последних, слава Последнему Воителю, они не переняли ничего, кроме астенического телосложения и яркости глаз. Отец Эвредики, прозванный Вечным Воителем, был одним из последних потомков расы Воителей, а его дочь Эвредика была уже рождена в браке с эльфийкой. Потомки Бессмертных и расы Фей вступали всё чаще в браки с людьми. И кровь, чем дальше тем больше, разжижалась, а с ней – выносливость и магические способности. Природа восстанавливала естественное равновесие между расами, убирая перекося.

– Эври, Эври, очнитесь! – кричал Хорвард, тряся Фею. – С вами всё в порядке? Он вас ранил? Скажите хоть что-нибудь.

Эвредика затуманенным взором глянула на Хорварда, высвободилась из его рук и медленно произнесла:

– Всё нормально, я не ранена.

Про себя Фея подумала: «Ты и не представляешь, насколько со мной всё в порядке». Эвредика откинула голову и засмеялась.

Хорвард растерянно взглянул на спутников.

– Госпожа Фея, – обратился к Эвредике сэра Занудис. – Почему этот жуткий зверь, напав на вас, вдруг так спешно покинул поле битвы? Ведь обычно эти жуткие твари никогда не бросают жертву, не довершив начатое.

– А вы не рады, что монстр меня не сожрал? – прищурилась Правительница Гвилберда.

– Что вы, я ничего подобного не имел в виду, – замахал в притворном ужасе руками Верховный советник. – Мы все очень рады, что вы целы и невредимы.

– Странник сбежал потому, что испугался вас сэра Занудис, – ответила Фея, весело сверкнув глазами в сторону советника.

– Меня? – переспросил советник, удивлённо воззрившись на Эвредика, а в уме уже начиная лихорадочно прикидывать, насколько ему это выгодно и можно ли с этого что-нибудь поиметь, точнее, с Феи. «Орден, нет, лучше денежное вознаграждение в виде двадцати, нет тридцати мешков золота. И с нынешнего дня оклад в двойном размере. За спасение такой высокопоставленной особы, как Правительница Гвилберда, это вполне приемлемая плата. И орден тоже! Точно!» – быстренько прикинул в уме Занудис, мысленно потирая свои тощие ручки в предвкушении милостей, которые его теперь ожидают.

– Точнее вашего занудства, – закончила Эвредика начатую фразу, поправляя растрепавшиеся во время сражения золотистые волосы. – Но если вы чем-то недовольны, то можете догнать странника и, объяснить, что он глубоко заблуждается насчёт вашего характера, затем благородно предложить ему свою кандидатуру на ужин, которого он по вашей вине лишился. Думаю, он вам не откажет, – продолжая мило улыбаться, выдвинула предложение Фея.

– А как же субординация, госпожа Фея! – воскликнул подошедший Светозар, ведя на поводу коня Эвредики, который не успел убежать слишком далеко и был благополучно пойман другом Хорварда. – Неужели вы думаете, что господин Верховный советник осмелится быть съеденным первым поперёд своего прямого начальства. К тому же сэра Занудис – настоящий рыцарь и всегда пропускает дам вперед, – осклабилась светловолосый верзила, подмигивая Верховному советнику.

Занудис хмыкнул, почесал свой длинный нос и посмотрел на Фею, подумав: «Интересно, что она скажет на подобное заявление, или сразу бросится этому здоровенному придурку башку откручивать». Но увидел, что, опершись на руку сэра Хорварда, Правительница Гвилберда только довольно ухмыляется в кулак, а болтливый герцог что-то слишком внимательно рассматривает носки своих не особо чистых сапог. Занудис пожал плечами, вскочил в седло и решил: «Быстрее бы доехать до Рейсгарда. Советники правы, Фея у нас с каждым днём все чудней и чудней, похоже она и в правду сумасшедшая». Другого объяснения поведению принцессы у него не было.

Светозар подвёл Эвредике коня и галантным жестом помог ей взобраться в седло.

– Надо ехать, а то вдруг эта зверюга надумает вернуться, – сказал Светозар, пристально глядя в ту сторону леса, куда скрылся странник.

– Отъедем подальше, а затем сделаем привал, – внес предложение Хорвард, рассеянно дёргая у себя волоски из бороды. – Если больше ничего не случится, то утром будем в столице.

Маленький отряд снова двинулся в путь, стараясь поскорее отъехать от места происшествия подальше.

Эвредика более не удалялась от своих спутников и с новой заинтересованностью из-под опущенных ресниц поглядывала на Светозара, решив, что с чувством юмора у парня полный порядок, и с ним похоже интересно будет пообщаться.

Светозар, зорко поглядывая по сторонам, усиленно обдумывал происшедшее, и чем больше думал, тем больше ему всё это не нравилось. Мысли расплзались, как тараканы, не принося какого-либо толкового объяснения происшедшему. Да и Фея эта... Не то чтобы он был сильно разочарован. Но как-то уж очень сильно она не вписывалась в созданный о ней народной молвой образ «Великой, Мудрой и Справедливой Феи – Вечной правительницы Гвилберда». То есть, может, она и справедливая, и мудрая, но только он никак не мог предположить, что Величайшая из Бессмертных внешне будет выглядеть как сопливая, худая девчонка, да ещё постоянно препираться с собственным советником. Неужели ей и правда не одна тысяча лет. Может она от старости впадает в детство. Нет, не то... Что-то его все-таки в Фее тревожило, но что, он никак не мог уловить. Точнее, какая-то мысль занозой сидела на краю сознания и никак не хотела оформиться во что-то более конкретное.

2

– Ненавижу этого слюнявого дракона, – простонал Маргелиус, собравшись злобно сплюнуть, но вовремя опомнился. Харкать в гробу, где негде развернуться, это весьма опрометчивый поступок. – Везде своим пацифизмом достанет.

Когда колдун Альгварда перебирал самые фантастические планы спасения из плена, вспомнил о драконе, который много лет назад служил ему. Памятуя о том, что эти существа живут очень долго, он направил свой мысленный призыв Лютому – так звали того дракона. Правда, кроме имени Лютый, в том исполинском монстре, что служил ему, ничего больше лютого и не оказалось. Но имя и внешний вид, находившегося в услужении у него дракона, наводили немалый ужас на народ. Только перед тем, как приземлиться на нём в каком-нибудь городе, приходилось жёстко инструктировать Лютого, чтобы тот молчал и не смел ни в коем случае ни с кем разговаривать. Потому что стоило этому наивному страхолуду разинуть пасть, как люди начинали сразу как-то странно на них смотреть, а страх и почтение испарялись из их глаз. Может на самом деле драконы самые могущественные и мудрые существа, но ему явно достался какой-то особенный дракон, наверное, с левой нарезки.

Герцогу после долгих и бесплодных попыток удалось связаться с драконом, почти на пределе сил дотянуться до его разума. Это была настоящая удача, дракон был не только жив, но и согласился ему помочь, хотя и радостного энтузиазма он на его морде что-то не заметил. Лютый успел сообщить ему, что герцог проспал «просто дофигииища лет», даже с точки зрения драконов не так и мало. И что в мире вообще до фи́га чего поменялось, например, драконы и люди живут в мире уже очень давно и все драконы теперь внесены в Зелёную книгу как исчезающий вид Конфедерации магических миров и на них нельзя охотиться. На этих словах дракон запнулся, – ну за исключением меня, – покосившись желтым глазом, вздохнул Лютый, пожимая крыльями, намекая на все их прошлые заслуги с нынешним узником.

Правда, перед тем, как поспешить ему на помощь, Лютый сначала принялся вдаваться в дебри философии и гуманизма, этично ли помогать своему бывшему хозяину. Затем он снюхался с хипповатым трубадуром, тем самым, что разбудил Маргелиуса. А ещё их спутником оказалась какая-то зеленая гадость с мерзким характером, к тому же вызывающая помехи на магическом фронте, то есть попросту гасящая магическое воздействие, что делало мысленное общение с драконом на таком расстоянии невозможным.

– Тьфу! Блин!! – Маргелиус яростно треснул кулаком по граниту. Ох, и больно же.

3

В город солнца и поэзии, Рейсгард, маленький запылённый отряд из четырех усталых путников прибыл на рассвете. Он состоял из трёх мужчин и одной женщины, вернее, Феи, так как это была она в сопровождении Светозара, Хорварда и сэра Занудиса, чьё занудство уже изрядно всех достало. И болтливый герцог со своим другом уже перемигивались, а не устроить ли педантичному и сверхправильному советнику маленький несчастный случай в виде перелома языка, а ещё лучше шеи. Да и госпожа Фея, похоже, не будет особо сильно переживать, если лишиться общества своего любимого советника. Но на счастье их жертвы, не подозревающей о таких коварных мыслях (а то Занудис поумерил бы пыл в поучении жизни своих спутников и возвеличивании своей особы), на горизонте показались башни города. И Светозар с Хорвардом, а укладкой от них и Эвредика, вздохнули с облегчением.

После непродолжительного препирательства со стражниками ворот, которые были недовольны, что их разбудили в такую рань, и не собирались пускать путников без компенсации морального ущерба, их впустили в город. Правда только после того, как сэр Занудис пустил в ход тяжелую артиллерию: он Верховный советник, и с ним едет сама Великая Фея, и такое непочтение и халатность грозят стражникам лишения жалования на целый год, а также штрафными работами в виде уборки клозетов города в течение трёх месяцев. После такой тирады ворота немедленно отворились и сам капитан стражников, почтительно кланяясь и рассыпаясь в извинениях, что не признал высоких особ, впустил их в город. Клянясь с кристально честными глазами, а, возможно, просто стеклянными после вчерашней пирушки, следы которой явственно читались на его сконфуженной физиономии, что такой инцидент в их городе впервые, и что такое никогда больше не повторится.

– Я и мои люди охраняем город от врагов и лазутчиков, и, когда вы в неурочное время постучались в город, я подумал, что это шпионы, и не впустил вас, – расплылся в подхалимской улыбке капитан.

– Что?! – глаза Эвредики расширились от гнева. – Я по-вашему, капитан, похожа на шпионку?

– Нет, нет, что вы! Капитан не это имел в виду! – быстро вмешался один из стражников, который, похоже, был куда умнее своего господина, и, быстро прикинув, чем им грозит такая оплошность, решил взять инициативу в свои руки. – Капитан имел в виду, что он очень ревностно относится к своему гражданскому долгу и бывает иногда чересчур бдительным. К тому же он не смыкает глаз уже вторые сутки, настолько фанатично предан своему делу, и ни на какие уговоры, пойти и немного отдохнуть, не поддаётся. Из-за чрезмерной преданности родине и усталости капитана и получилась такая ужасная ошибка, – на этих словах стражник рухнул на колени и, заломив руки, трагически возопил. – Пожалуйста, Великая и Справедливая Фея, сжальтесь над своими верноподданными и не наказывайте их в виде лишения жалования! Нам нечем будет кормить своих детей! А если надо кого-то наказать, то накажите меня, это я не сменил на посту капитана Пивокрута и подвёл своего командира, прикажите дать мне сто плетей! – и стражник принялся рвать на себе от горя и без того не новую рубаху, в уме прикидывая, что может теперь воинское начальство поимеет совесть и выпишет ему новое обмундирование, которое последний раз выписывалось... Гм, два месяца назад, но его он проиграл в карты, и теперь надеялся под шумок на халяву заполучить новое вне очереди.

Его товарищи во главе с капитаном только диву давались пламенности его речей, да и никаких детей у стражника Перепей-меня, а это был именно он, и в помине не было. О том, что всю предшествующую ночь стражники занимались употреблением горячительных напитков и предавались игре в кости вместо бдительного несения службы, думаю, и говорить не стоит.

Занудис с восхищённым умилением внимал речам Перепей-меня, размышляя о том, а не сочинить ли ему высокую оду о патриотизме и мужественности сего воина, так доблестно несущего службу, но затем передумал: слишком много чести для плебея, но наградить бы стоило, грамотой за отвагу, например. Как вы уже поняли, сэра Занудис был настоящим чиновником, обожающим волокиту и предпочитающим награждать своих подданных не в виде материальных благ, а на бумаге: всякими там наградными листами, похвальными грамотами и прочей макулатурой.

Светозар с Хорвардом растерянно переглядывались, озадаченные поведением слишком предприимчивого стражника, не зная как вести себя дальше в том неловком положении, в котором они очутились.

Одна Эвредика сохраняла абсолютное хладнокровие, господина Перепей-меня она видела насквозь, и про себя только диву давалась актёрскому мастерству парня, по сравнению с которым сиятельный герцог Хорвард – просто сама честность. Но затянувшемуся концерту следовало положить конец.

– Хорошо! Вас не лишат жалования. Но чтобы такого впредь не было. Если услышу о чём-то подобном ещё раз, будете бегать по десять кругов кросса каждый в жаркий полдень, чтобы всю глупость из мозгов выпарило, – заключила Эвредика, в упор глядя на командира стражников, затем подошла к стражнику, по-прежнему валявшемуся в грязи, рывком вздернула его на ноги, так что у парня клацнули зубы. – А вы, сударь Попробуй-перепей-меня-кто-сможет, поедете с нами. Светозар, возьми его к себе на лошадь.

– А-а, откуда вы знаете мое полное имя? – изумлённо протянул Перепей-меня. Потрясению парня не было предела, так как даже товарищи звали его сокращенно «Перепей меня», да никто и не помнил уже его полного имени, а в приличных кругах общества, где вращается Фея, оно точно не фигурировало вообще.

– Захлопнись, – невежливо оборвал растерянного парня Светозар, помогая ему взобраться на коня позади себя, и немедленно трогаясь с места.

Через несколько минут маленький отряд проскакал по улицам города к замку, поднимая облачка пыли.

Глава 7

Дракон упал с небес

1

Трубадур, Ясень и дракон удобно расположились возле костра, переваривая сытный ужин. Каждый думал о своём, блаженно растянувшись на земле, вдыхая аромат надвигающейся ночи.

– Пройдоха, – позвал Лютый трубадура, задумчиво смотря на пламя костра.

– Чего? – лениво отозвался музыкант, продолжая курить трубку, не открывая глаз.

– Ты же вроде стихоплёт, ну этот, который придумывает песни, а затем их поёт? – спросил Лютый, отводя взгляд от костра.

– Угу, – односложно отозвался трубадур. После сытого ужина он был на редкость немногословен, да и Ясень, как это ни странно, молчал, не нарушая красоты опускающейся на лес ночи.

– А ты хороший песенник? – продолжал задавать дурацкие вопросы дракон.

Пройдоха, открыл один глаз, внимательно посмотрел им на дракона, не издевается ли тот над ним, но, увидев абсолютно серьёзную морду, вздохнул, вытащил трубку изо рта и собрался ответить, но был перебит вклинившимся в их разговор Ясенем:

– Ты что, совсем тупой! Он же музыкант, а не критик, то есть он сочиняет песни и их поёт, а не оценивает, – и, не дожидаясь ответа дракона, он обернулся к Пройдохе, пихнул его зелёной лапкой в бок и задал вопрос:

– Когда ты исполнял свои песни, тебя часто тухлыми помидорами или яйцами закидывали?

– Ни разу, – оторопело отозвался трубадур, от неожиданности даже забыв выпустить дым из ноздрей.

Ясень почесал зелёной лапкой за ухом и задал следующий каверзный вопрос:

– А может тебя тогда из трактиров вышвыривали, когда ты...

– Слушай ты, мелкий пакостник, – возмутился Лютый, обдавая струйками дыма из ноздрей нахального насмешника, – мы так хорошо сидели, пока ты всё очарование ночи не испортил своим цинизмом.

– Ты же хотел узнать, хороший ли он трубадур, – ослабившись, отозвался Ясень, вперившись невинным взглядом в дракона.

– Хотел, – сбавил тон Лютый.

– Так вот я этим и занимаюсь. В отличие от некоторых невоспитанных особ, имеющих дурную привычку перебивать собеседника на полуслове, я имею некоторый опыт в этих делах и точно знаю, если музыкант хороший, то люди его слушают. Если дрянной, то посетители трактиров закидывают сцену с музыкантом тухлыми овощами и всякой прочей дрянью, что подвернётся под руку, предлагая тому убраться со сцены. Если певцу не хватает мозгов сразу ретироваться, то разгневанные слушатели его попросту выкидывают на улицу. Что, не веришь мне? Это абсолютная правда, проверено на собственном опыте. Я как-то пел в школьном хоре, так меня однажды со сцены семнадцать раз вышвыривали, – вздохнул насмешник, смотря на вспыхивающие на небе звёзды.

– Семнадцать раз, ничего себе, – присвистнул Пройдоха, приподнимаясь на локте с земли и с уважением глядя на задумчивую рожицу насмешника.

– Угу, – кивнул Ясень.

И тишина снова повисла над маленькой полянкой, был слышен только стрекот кузнечиков в кустах, да тихое шипение пламени костра, когда оно пожирало очередную ветку. Дракон помешал веточкой в огне, поднял рой сверкающих искорок, которые устремились в ночное небо, и тихо попросил:

– Пройдоха, спой нам с Ясенем что-нибудь лиричное.

Трубадур на мгновение задумался, затем, не произнося ни слова, поднялся с земли, взял гитару, с максимальным комфортом устроился на поваленной ветке. Пару минут настраивал гитару, затем провёл рукой по струнам, извлекая ясные и чистые ноты музыки, в которой звучала тишина ночи и безбрежье ночного покоя, и на редкость красивым, звучным и мелодичным голосом запел.

Давай посидим, помолчим
На берегу глубокой реки,
Смотря в небесную высь,
Вдыхая благоухание ночной прохлады.

Ты обращаешь ко мне
Свой задумчивый взор.
Я вижу в нем
Отблески света далёкой звезды.

Мы будем с тобой
Смотреть на отражение лунной зари.
Мечтать о далеких и волшебных мирах,
Где нет земных печалей.

Давай посидим, помолчим
На берегу глубокой реки.
Наслаждаясь безмолвием ночной тишины,
Вдыхая аромат земного покоя.

После того, как Пройдоха закончил петь, несколько минут над поляной стояло ошеломленное молчание. Ясень и дракон были потрясены.

– Блин, здорово поёшь. Парень, да у тебя талант, я тут чуть от умиления слезу не пустил, – наконец обрёл дар речи насмешник, демонстративно шмыгнув носом, но, увидев угрожающе занесенную лапу дракона, собравшегося отвесить ему хороший подзатыльник, мгновенно заткнулся и, фыркнув, спрятался за спину трубадура.

– Как называлась эта песня? – немного нерешительно спросил дракон. Он был искренне поражён музыкальным талантом Пройдохи. И теперь по-новому смотрел на залатанные и грязные штаны трубадура, длинные растрёпанные каштановые волосы, которых, похоже, никогда не касалась рука парикмахера, размышляя о том, что внешний вид не всегда отражает внутреннюю сущность человека.

– «Ночь», – ответил Весёлый Пройдоха, – я сочинил её одним дождливым вечером, когда мне было особенно одиноко, и моим единственным собеседником был холодный северный ветер.

– Хорошая песня, – задумчиво произнёс Лютый, потом, немного помолчав, спросил. – Пройд, а ты не знаешь какой-нибудь красивой песни про Страну Гор?

– Чего?! А оду, посвященную Маргелиусу Альгвардскому, тебе не спеть? – схамил, сразу восстановивший прежнее количество желчи в голосе насмешник, цинизм которого перед этим был подорван сольным исполнением песни «Ночь».

Трубадур метнул строгий взгляд на насмешника, который, пожав плечами, демонстративно начал насвистывать популярную в трактирах скабрезную песенку про пиратов, показывая, что ему вообще наплевать на то, что будут петь эти двое.

– Знаешь, Лютый, есть в моём репертуаре одна песня, которую я написал, но обычно не исполняю, в связи с непопулярностью той части света, которой она посвящена.

– Пой, – кратко резюмировал Лютый, закрывая янтарные глаза.

– Она называется «Альгвард», – объявил название следующей песни Пройдоха, и, не дожидаясь очередных скабрезных комментариев Ясеня, перебирая струны гитары, запел.

Расскажи мне о прошлом,
Расскажи мне о будущем.
Яви мне мир своих секретов,
Покрытых сумраком забытых тайн.

Хочу я окунуться в тот далёкий мир,
Покрытый славой героических поступков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.